БЕЛАРУСЬ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Татьяна Водолажская

Владимир Мацкевич

Качество и образ жизни в Беларуси:

эволюция и возможности трансформации

Татьяна Водолажская
Владимир Мацкевич

КАЧЕСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ В БЕЛАРУСИ: ЭВОЛЮЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Оглавление

Введение

Почти 20 лет страны Восточной и Центральной Европы пребывают в процессе реформирования политической системы, экономики, уклада и образа жизни. В большинстве этих стран реформы уже давно приносят положительные результаты, хотя сам процесс в каждой из них находится на разных стадиях и этапах. И только Беларусь очевидно выпадает из общего контекста. Реформы в Беларуси тоже декларируются, но осуществляются с заметным своеобразием, а результаты оцениваются очень противоречиво. Разброс этих оценок очень широк – от крайне восторженных до полностью пессимистичных. Инициируемые в Беларуси изменения характеризуются то как половинчатые и непоследовательные реформы, то как контрреформы и реставрация старых советских порядков, то как свой особый путь. За долгие годы наблюдения за ходом общественно-политических и экономических изменений в Беларуси было выдвинуто множество объяснений и интерпретаций своеобразия и противоречивости проводимых реформ.

В большей части этих объяснений и интерпретаций причины, как удач, так и неудач, разворачивающихся в Беларуси процессов, усматривались в субъективных факторах, а зачастую в личных качествах конкретных персонажей беларусской политики. Нам (авторам) кажется, что возможности субъективистских и персо-

налистских объяснений уже исчерпаны. Необходимо разбираться с глубинными факторами и причинами. Ошибки или достижения отдельных людей или политических субъектов, их воля или консервативные установки могут на некоторое время затормозить ход общественных процессов или даже развернуть их в обратном направлении. Но сегодня уже понятно, что особый «беларусский путь» не просто навязан действиями отдельных политических субъектов, но он находит широкую поддержку в беларусском обществе и хорошо согласуется с ожиданиями и запросами значительной части населения страны. Нельзя понять разворачивание общественно-политических и экономических процессов в Беларуси, не разобравшись с природой и основаниями такой общественной поддержки и такой согласованности государственной политики со мнением населения. Мы далеки от мысли, что ожидание и устремление какой бы то ни было, пусть даже и большой части населения обязательно совпадают с национальными интересами. За влияние на общественно-политические процессы чаще борются активные меньшинства, тогда как пассивное большинство только сопротивляется изменениям или, с той или иной степенью готовности, их принимает. Однако в конкретном беларусском случае обращает на себя внимание именно согласованное сопротивление демократическим и рыночным преобразованиям и такое же согласованное принятие патерналистских и антирыночных действий.

В результате многолетних исследований и анализа беларусской ситуации мы приходим к выводу, что причины такого положения дел коренятся в укладе и образе жизни беларусского населения. В принципе, объяснения хода беларусских реформ, опирающиеся на специфику менталитета, ценностей, способов мышления и т.д., также достаточно распространены. Чаще всего, они апеллируют к этим феноменам как к объективным фактам, которые следует учитывать, но нельзя изменить.

Попытки реформирования, предпринимавшиеся до сих пор, распространялись на сферы идеологии, политической власти, государственного строительства и управления, экономики и хозяйствен-

ного уклада. Но уклад и образ жизни воспринимались как нечто неприкосновенное и не подлежащее искусственно-техническому отношению. Именно на таком отношении базируются все консервативные подходы и объяснения того, почему в Беларуси изменения не нужны, а те, что проводятся, — неуспешны.

В этой работе мы рассматриваем сферу образа жизни как изменяющуюся: от поколения к поколению, даже за период, сопоставимый с жизнью человека. Более того, мы полагаем, что в сфере образа жизни возможны и даже необходимы целенаправленные изменения или реформы, требующие для своего обеспечения соответствующих концепций, понятий, программ и политической воли.

В первой части этой книги мы описываем изменения, которым подвергался уклад и образ жизни в Беларуси во второй половине XX в период существования СССР. В этой же части характеризуем политику и государственные программы последних десятилетий. Мы исходим из того, что действия беларусских властей направлялись теми концепциями, понятиями и категориями, которые им предлагали общественные и гуманитарные науки. Беларусский режим целенаправленно и последовательно реализовывал программу, построенную на основе советской идеологии и обществоведения. Для разработки же новых программ и перехода к запуску реформ, соответствующих современным мировым тенденциям и полноценному включению Беларуси в общеевропейский процесс, необходимо преобразование концептуальных оснований гуманитарных и социальных подходов, понятий и категорий. Поэтому во второй части мы разбираем возможности и пути построения таких понятий и категорий, которые позволили бы осуществлять реформирование сферы образа жизни.

Мы видим два направления использования разрабатываемых нами понятий в сфере образа жизни. Первое направление — это критика советского обществоведения и господствующих в Беларуси представлений о человеке и обществе с последующим переходом к новым концептуальным основаниям. Реализоваться это направление может только в широком общественном диалоге, включающем в

себя не только идеологические споры, но и академические и научные дискуссии, PR-кампании в средствах массовой информации, освобождение от догматизма учебных программ в ВУЗах и школах. Настоящая книга — это маленький вклад в широкий общественный диалог, который еще только предстоит развернуть. Второе направление связано с ***«культурной политикой***[1]**»** и программой исследований, которую мы реализуем, начиная с 1994 года. Она развивается и видоизменяется как в соответствии с изменением общественно-политической ситуации, так и по мере нашего собственного продвижения и накопления знаний и материала. И в третьей части мы очень коротко описываем тот раздел исследовательской программы в рамках «культурной политики», которая затрагивает сферу образа жизни.

Представляемая на суд читателей книга продолжает начатую нами в 2007 году серию «Беларусь для начинающих». И вся серия, и эта книга задумывались для тех читателей, которые только начинают знакомиться с беларусскими реалиями и могли бы включаться со своими знаниями и опытом в процессы трансформации и реформирования в Беларуси. Такое включение мы рассматриваем как исключительно позитивный фактор. Беларусским реформаторам, экспертам и аналитикам необходим и критический взгляд извне, и сотрудничество с европейскими и российскими научными центрами и экспертными сообществами. Как показывает наш опыт, книги из серии «Беларусь для начинающих» необходимы и самим беларусам. К сожалению, мы не очень хорошо знаем свою страну, а исследовательских программ пока недостаточно для того, чтобы мы узнали нашу страну так хорошо, как это необходимо для ее успешного реформирования и обустройства.

Татьяна Водолажская
Владимир Мацкевич

---

[1] Мацкевич В. Беларусь вопреки очевидности // Вопреки очевидности. Невский простор. 2006.

Индустриализация и урбанизация в социальной истории Беларуси со второй половины XX века и до наших дней

Системный кризис — начало современной истории Беларуси

Современная история Беларуси формально может начинаться с 27 июля 1990 года, когда была провозглашена Декларация Независимости, или с 8 декабря 1991 года, когда были подписаны Беловежские соглашения, ликвидирован СССР и суверенитет стал реальностью. Однако разрыв с прошлым и начало нового периода в истории страны — это всегда процесс, а не отдельное событие. Поэтому переход от существования региона в составе СССР к существованию независимого государства растягивается на большой исторический период. Для Беларуси этот период начинается в конце 80-ых и заканчивается в конце 90-ых или даже в начале XXI века.

К началу этого периода большая часть беларусского населения была трудоустроена и получала средства к существованию, работая в государственном секторе экономики. Городское население было занято в сфере промышленности, строительства, транспорта и в бюджетной сфере (образование, здравоохранение, административное управление), а сельское население — в индустриализированном сельском хозяйстве. Дополнительные средства к существованию добывались в так называемом подсобном хозяйстве. В большинстве своем граждане Беларуси были удовлетворены распределением социальных благ, имели значительные накопления в Сбербанке, могли планировать свое будущее и будущее своих детей.

Резкое изменение экономической ситуации, конъюнктуры мирового рынка и возрастание хаоса социалистической экономики разрушили привычные формы жизни. Инфляция начала 90-ых годов не только обесценила имевшиеся вклады и накопления, но и вызвала кризис платежной системы. Большинство предприятий лишилось возможностей выплачивать зарплату работникам, а той зарплаты, которая все-таки выплачивалась, не хватало не только для поддержания привычного образа жизни, но и для удовлетворения самых элементарных потребностей. Заработанных денег порой не хватало даже на еду. Некоторые предприятия выплачивали зарплату продукцией своего производства[2].

Состояние, в котором оказались страны и народы на постсоветском пространстве, в скором времени стало осознаваться

[2] Знаменитыми в этом отношении являются стеклозавод «Неман» в Березовке и фабрика игрушек в Жлобине. Работники стеклозавода получали зарплату в виде хрустальной посуды, которую невозможно было сбыть не только в своем городке, но и в Беларуси. Жители Березовки, объединившись в группы, вынуждены были совершать поездки в Сибирь и на Дальний Восток с продукцией своего завода, чтобы выручить хоть какие-то деньги. А жители Жлобина устроили на железнодорожном вокзале постоянно действующий рынок мягких игрушек, пытаясь продать их пассажирам проходящих поездов. Этот рынок действовал больше 10 лет, как и «хрустальные вояжи» жителей Березовки.

как **системный кризис**. Как правило, упоминание системного кризиса не сопровождалось концептуализацией, аналитикой или рефлексией, трактовалось очень примитивно: очень сложный и страшный кризис. Одно из немногих аналитических представлений системного кризиса представляет собой разложение всей системы на пять составляющих процессов[3]: кризис идеологии, кризис власти, кризис государственного управления, кризис хозяйства и кризис образа жизни.

Сначала коротко обсудим общую схему системного кризиса для стран на постсоветском пространстве. Представим себе пять составляющих системного кризиса по аналогии с накатывающимися волнами. Несколько упрощая, можно сказать, что до поры до времени интенсивность кризиса нарастает, пока не достигает некой кульминации. После кульминации начинается спад. Спадает и интенсивность самого кризиса, и накал страстей, и сама проблематика отодвигается в общественном сознании с первого места на второе, а затем и далее.

Первым по значимости стоял вопрос, к которому подводила вся история перестройки: какой путь развития выбирает оказавшаяся независимой страна: капитализм или социализм. По существу, именно к этому вопросу сводились теоретические, политические и обывательские дискуссии, он был основным вопросом ***кризиса идеологии***. Август 1991 года в Москве можно считать кульминацией кризиса идеологии. С этого момента идеологические дискуссии в обществе постепенно ослабевают.

Вслед за кризисом идеологии гораздо большую актуальность приобретает ***кризис власти***. Основной вопрос этого кризиса: кто возьмет на себя ответственность за ведение страны и нации в соответствии с выбором, который эта нация сделала, разрешая кризис идеологии.

[3] Мацкевич В. Политика — цель или средство // Вопреки очевидности. Невский простор. 2006.

Интенсивность кризиса власти нарастает вместе с возникновением и структурированием общественно-политических элит, которые вступают в борьбу за право управления страной в переходный период. Результатом позитивного разрешения становится демократическая процедура смены политических субъектов у власти.

В тех странах, в которых отсутствовали традиции демократии, на смену кризису власти приходит ***кризис государственного управления***. Мало наладить демократические механизмы прихода к власти, нужно построить такую систему государственного управления, которая была бы адаптирована к сложным условиям переходного периода. Даже в тех странах, в которых в досоветский период уже были созданы соответствующие государственные институты и механизмы (Восточная Европа и советская Прибалтика), их приходилось воссоздавать заново, осваивать, совершенствовать и отлаживать. Некоторым же странам, в первую очередь Беларуси и Украине, пришлось все создавать заново. Поэтому момент учреждения нового государственного устройства становится кульминацией кризиса государственного управления.

Когда Конституция страны продекларирована и конституирование институтов государственного управления завершено, обнаруживается, что управление не обеспечено ресурсами — экономика страны в упадке. Именно в этот отрезок времени в рамках системного кризиса на первый план выходит ***кризис хозяйства***, несмотря на то, что его интенсивность подспудно нарастала и раньше, теперь это осознается как проблема вновь созданного механизма государственного управления. Оказывается, что проблемы хозяйства требуют структурной реформы, часто полного переструктурирования, изменения специализации странового хозяйства в масштабах мирового разделения труда. Как правило, при позитивном разрешении кризиса хозяйства происходит не только адаптация хозяйства страны новым условиям, но также стандартизация его и глобализация.

Изменения в общественном сознании, в идеологии, приобретение навыков участия в политической жизни, переинтерпретация функций государства, в первую очередь, в сфере отношений госу-

дарства и гражданина, переструктурирование хозяйства — все это ведет к кардинальному пересмотру образажизненных оснований. Образ жизни отдельных людей, активно участвовавших в общественных процессах, начинает меняться с самого начала того периода, который мы характеризуем системным кризисом. Но только после кульминации кризиса хозяйства кардинальные изменения образа жизни осознаются основной массой населения, большинством нации. Экономически и политически пассивные общественные группы лицом к лицу сталкиваются с изменением потребительских стандартов, качества образования и здравоохранения, культуры во всех проявлениях, семейных отношений и вообще повседневности. Этот момент осознания большинством населения изменения образажизненных оснований и можно считать кульминацией ***кризиса образа жизни***.

Представленный в аналитическом виде системный кризис является идеализацией опыта реформ для всей группы стран с переходной экономикой. Каждая отдельная страна описывается такой идеализированной схемой с той или иной степенью приближенности. Некоторые страны проживали системный кризис почти в идеальных формах, например, Чехия или Венгрия. В большинстве же стран общая картина была мало похожа на идеальную. Беларусская ситуация в середине 90-ых годов характеризуется синкретической нерасчлененностью составляющих системного кризиса. Фактически все волны системного кризиса как бы наложились друг на друга — и произошла интерференция.

С формально-теоретической точки зрения, такое наложение означает оестествление всей общественно-политической ситуации, отказ от рационального отношения к общественным процессам. С практической точки зрения, это означает потерю контроля над общественными процессами, отказ от реформ и рефлексии. Этот отказ ведет к тому, что меняется последовательность разрешения отдельных составляющих системного кризиса и фактически ***весь комплекс накопившихся кризисов начинает осознаваться и интерпретироваться в образажизненных терминах***.

Иррационализм политических элит, слабость предпринимательских элит, уход политического класса от ответственности за управление страной привели Беларусь к образажизненной контрреволюции. Возможно, именно этот смысл содержался в метафоре А. Адамовича «Перестроечная Вандея». Вандея как символ консерватизма, традиционного уклада и образа жизни, по-своему оправданный страх иррационального будущего. Иррационального, то есть не промысленного, не проанализированного, не спланированного в рациональных категориях. Понятия, категории, нормы и представления об образе и качестве жизни, которые сформировались в период ускоренной индустриализации советского образца, не были подвергнуты сколько-нибудь существенной критике. Наоборот, они стали неоспоримым основанием для принятия решений в политической, экономической и социальной сферах.

Кризис образа жизни и попытка реставрации советской системы

К 1991 году огромные массы людей были поставлены перед необходимостью кардинально изменить свой образ жизни. При этом никто не был к этому готов.

Во-первых, потому что сознательно или бессознательно, но люди планировали свою жизнь, исходя из понимания предыдущей ситуации. Продвижение по карьере, приобретение собственности (в первую очередь жилья), образование, планирование семьи, обеспечение собственной старости и т.д. – все то, что заботит людей в краткосрочной и долгосрочной перспективах, оказалось недействительным. Накопленные на старость средства были съедены инфляцией, карьерные достижения утратили не просто привлекательность, но и смысл, высокие оценки по учебе и приобретенные знания, открывавшие в прошлом для человека хорошие перспективы, оказались бесполезными. Удовлетворение элементарных потребностей требовало совсем других действий и поведения, чем год или два назад. Подавляющее большинство людей не имело образцов и

планов организации жизни в новых условиях. Люди мыслили в категориях и понятиях, формировавшихся годами и десятилетиями, руководствовались выученной, освоенной, принятой и казавшейся незыблемой советской системой ценностей и идеологии.

Во-вторых, рядом, в соседних странах (Польше, Литве), а частично и в самой Беларуси открываются рыночные перспективы и возможности. Растерянные и потерявшие ориентиры люди не рассматривали эти возможности и перспективы как свои. Они не имели ни достаточной квалификации и подготовки, ни, главное, желания их осваивать. Поэтому рынок начал распространяться и захватывать беларусское население в самых примитивных и неприглядных формах. В конце 80-ых — начале 90-ых годов трудно было найти в Беларуси человека, который хотя бы несколько раз не совершил челночных поездок в ближнее и дальнее зарубежье с товаром или за товаром (или хотя бы не планировал их, рассматривал такую возможность). На множестве импровизированных рынков-базаров стояли «продавцы», испытывающие стыд и отвращение к своему нынешнему занятию[4]. Большинство из них не порвало со своей предшествующей работой. Они занимались челночной и розничной торговлей либо, только что покинув завод, школу, кабинет, или одновременно и параллельно с основной «работой». Представления о жизни у этих людей были связаны с тем, как они жили до окончания перестройки, а не с открывающимися рыночными перспективами и возможностями. Люди не выбирали новый образ жизни, а были вытолкнуты в него вопреки своей воле. Те немногие, кто в этот период смог переори-

[4] В некоторых городах, особенно в Западной Беларуси, эти рынки были организованы еще поляками в 80-ые годы, когда в Польше был экономический кризис и военное положение. За много лет «благополучные» беларусы привыкли свысока и со снобизмом обеспеченных покупателей относиться к торговцам этих рынков, а в 90-е годы сами сменили иностранцев на этих же рынках. Снобизм перешел в самоощущение унижения, в комплекс неудачника.

ентироваться и сознательно двигаться, используя открывающиеся новые возможности, вызывали у оставшихся отнюдь не желание им подражать и учиться у них, а зависть и раздражение.

В-третьих, в стране не существовало ни инфраструктуры, обеспечивающей новые формы жизни и деятельности, ни нормативной и правовой базы, регулирующей и регламентирующей ее, не было даже политической воли для управления процессами изменений. При этом проблем и оперативных задач, требующих решения, возникало множество. И все решения этих проблем и оперативных задач стали принимать архаичные формы на грани, а порой и за гранью цивилизованности и морали. Организованная преступность вышла из теневого сектора и стала распространять свое влияние и коррупцию на все сферы жизнедеятельности. На какой-то, пусть и достаточно короткий, промежуток времени организованная преступность стала более действенной властью в стране по сравнению с государственной. А неписаные нормы и правила коррумпированных отношений подменяли собой право и этику.

К 1994 году все нерешенные составляющие системного кризиса наложились друг на друга, страна больше не могла существовать в режиме бесконтрольного распада. Вызревало радикальное политическое решение — советский реваншизм и контрперестройка. Избранный первый президент независимой Беларуси предложил программу возврата к советским порядкам, к восстановлению советского образа жизни, а вместе с этим к продолжению советского варианта индустриализации и урбанизации, но уже в отдельно взятой суверенной Беларуси, со всеми присущими этим процессам атрибутами и характеристиками. Политический лозунг этого времени: «Запустить заводы!» — был квинтэссенцией такого выбора и концентрировал в себе новую программу индустриализации и урбанизации. В течение нескольких лет маркетинг и активизация внешней экономической деятельности обеспечили беларусской промышленности возвращение на старые рынки, и началось освоение новых. Гораздо хуже обстояло дело с сельским хозяйством. Спроса на продукцию индустриального сельского

хозяйства восстановить не удавалось. Иллюзия продолжения индустриализации сельского хозяйства поддерживалась дотациями и невозвратными кредитами, а недостаток продовольствия восполнялся импортом.

К началу XXI века социальная структура крупных индустриальных центров была стабилизирована, заводы начали работать, хотя численность занятого в промышленности персонала осталась на уровне кризисных лет. Высвободившийся во время кризиса персонал еще некоторое время находил себе занятие в сфере теневой экономики и примитивной челночной и розничной торговли, а с конца 90-ых годов началось упорядочивание и в этих сферах. От примитивных форм торговли стали переходить к индустриализированной и технологизированной. Стихийные рынки и точки розничной торговли закрывались, и на их месте возникали торговые центры и супермаркеты. Технологизация сферы торговли вела к сокращению занятости и в этой сфере. Новые рабочие места начали создавать в жилищно-коммунальном хозяйстве, инфраструктуре, обеспечивающей жизнь крупных городов, и в сфере административного управления. Этими мерами была стабилизирована социальная ситуация, ограничена безработица. Но все эти процессы затрагивали только крупные города и индустриальные центры. Жизнь в малых городах и на сельских территориях практически не изменилась.

На сегодняшний день очень трудно оценить те изменения, которые произошли в социальной структуре и образе жизни, благодаря новой волне индустриализации и урбанизации. Трудно понять, что в современном положении дел является новым, а что видоизмененным старым. Политика и экономика, начиная с 1994 года, строились на основе идей, проектов и подходов, заимствованных из прошлого периода развития страны. Поэтому в процессе разворачивания этой волны индустриализации и урбанизации не было нужды в научном, теоретическом и исследовательском обеспечении. Наука и университеты в содержательном смысле пострадали не только в эпоху кризиса 90-ых годов, но и продолжали деградировать и разрушаться в период относительного восстановления и стабилизации. Хотя в сфере высше-

го образования в этот период возникали новые рабочие места, резко увеличилось количество студентов, а следовательно, и преподавателей, это был чисто количественный рост, не требовавший развития науки и продуцирования новых идей и подходов.

Таким образом, в результате кризиса 90-ых годов в наибольшей степени пострадали и были разрушены самые интеллектоемкие сферы, а подходы и концепции стабилизации не только не разрешали проблем этой сферы, но и усугубляли их. Сейчас это сказывается на том, что в стране разрушена система статистки, а также анализ, исследование и интеллектуальное обеспечение протекающих в Беларуси процессов, а особенно проведения реформ.

Если посмотреть на то, как в беларусской социальной и политической науке, публицистике и государственной идеологии описываются и анализируются политические и социокультурные процессы современной Беларуси, то можно увидеть, что есть две большие и отчетливые группы подходов. Одна группа, невзирая на внутреннее разнообразие методологии и теории, описывает происходящие в Беларуси процессы как положительные, усматривая в них развитие. Другая группа видит только негативные тенденции, рассматривает их через призму деградации и упадка. К первой группе относится большинство официальных идеологов, политологов и экономистов. Среди них имеет смысл остановиться на работах Юрия Шевцова, который в своей книге «Объединенная нация»[5] исходит из того, что альтернативы индустриализации в Беларуси нет. Отдавая себе отчет в том, что на современном этапе индустриализация не может разворачиваться в тех же формах и подходах, что и во второй половине XX века, Шевцов вынужден объяснять отклонения и инновации современного этапа беларусской индустриализации. Эти объяснения он находит в специфических геоэкономических условиях Беларуси, в последствиях чернобыльской техногенной катастрофы, а также в

---

[5] Шевцов Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси. 2005.

международной конкуренции и борьбе за ресурсы экономического развития. Тем не менее, он считает реанимацию индустриализации единственно правильным подходом, отрицая возможность и необходимость проведения реформ, подобных тем, которые проводятся в соседних с Беларусью странах, включая Россию. «Беларусский путь» он пытается представить как эталонный и образцовый не для одной только Беларуси, но и для России и других стран СНГ.

Если кратко охарактеризовать другую группу подходов[6], то там следует выделить одну, но принципиальную проблему. Основываясь на понятиях и категориях, заимствованных из современных европейских социальных и политических наук, представители этой группы могут показать неправильность и ошибочность подходов и решений, которыми управляется беларусское государство и которыми регулируются общественные отношения. Но, не проблематизируя показателей и критериев, принятых в анализе общественно-экономического развития, исследователи этой группы вынуждены констатировать положительную динамику этих процессов и рост пусть не всех, но значительного числа общественно-экономических показателей. Остается непонятным, почему при неправильных и ошибочных действиях беларусское государство все же развивается и общественно-экономические показатели улучшаются.

Если мы полагаем, что вся политика беларусского государства в период независимости была продолжением или реанимацией политики предшествующего периода, когда Беларусь являлась регионом, составной частью СССР, то необходимо рассмотреть и то, что делалось и происходило тогда. Все современное возникло не на пустом месте, а имело свою предысторию.

---

[6] Примерами работ в данном подходе являются: Романчук Я. В поисках экономического чуда. Мн.: Центр Мизеса, 2008. — 488 с. Злотников Л. В петле популизма: идеология, политика и экономика в независимой Беларуси./ Сборник статей. — Мн.: Энциклопедис, 2002. — 512 с.

Стержневые процессы советской беларусской истории второй половины XX века

Начиная экскурс в историю изменения и преобразования сферы образа жизни в нашей стране, следует выделить основные социокультурные процессы, которые задали как понимание и объяснение реальности (понятийный и категориальный аппарат), так и направления и способы социально-экономической и политической деятельности в этой сфере. Такими наиболее значимыми процессами, определявшими общественно-историческую ситуацию страны на протяжении нескольких десятилетий, являются процессы ускоренной индустриализации и урбанизации. Они же и до сих пор определяют современное положение дел в Беларуси.

Эти процессы в свое время составляли смысл и содержание развития социального мышления и деятельности во всем мире (по крайней мере, в той части мира, который находился под влиянием европейской цивилизации). В настоящее время они могут быть описаны как завершающиеся. Это означает не полное прекращение и сворачивание индустриализации и урбанизации, а только то, что они перестали быть определяющими для общественно-исторического развития. Сейчас они протекают под воздействием гораздо более мощных процессов первого плана, а именно процессов глобализации, вестернизации и информатизации. Современное положение дел с качеством и образом жизни в Беларуси является следствием специфического протекания в стране ускоренной индустриализации и урбанизации, а дальнейшая работа с ними будет определяться переструктурированием всех областей жизни в рамках глобализации, вестернизации и информатизации.

Ниже мы рассмотрим отдельные аспекты и специфику протекания в Беларуси процессов индустриализации и урбанизации. Для этого коротко остановимся на определении основных категорий и том, в каком контексте они будут использованы в наших рассуждениях. Под ***индустриализацией*** мы будем понимать такое преобразование хозяйственной деятельности в стране, которое характеризуется не столько экономическими

факторами и категориями, сколько производственно-технологическими. Нас будет интересовать только та сторона этого процесса, которая в наибольшей степени влияет на качество и образ жизни людей. Это организация крупных производственных комплексов, приводящая к изменению структуры занятости населения, монополизация и национализация собственности, стандартизация потребления и образа жизни. Кроме того, нам придется специально уделить внимание индустриализации сельского хозяйства. Вообще говоря, исторические формы осуществления индустриализации в разных странах не обязательно предполагают индустриализацию и сельского хозяйства. При этом влияние индустриализации на сельский образ жизни и сельскохозяйственное производство и само по себе велико. Индустриализация же сельскохозяйственного производства в Беларуси, как и Советском Союзе, в целом имела ряд особенностей, которые будут представлять для нас специальный интерес.

Под ***урбанизацией*** мы будем понимать быстрый количественный рост населения городов. Мы отдаем себе отчет в том, что такое понимание урбанизации может показаться несколько зауженным. Но сознательно идем на такое заужение и отделяем процесс урбанизации от процессов городского развития или развития городов. Рост городского населения необязательно сопровождается развитием города с формированием соответствующих социальной организации и образа жизни. Более того, возможны случаи, когда количественный рост может вести к деградации или городскому регрессу. В этом отношении важным аспектом урбанизации применительно к Беларуси являются источники пополнения городского населения. Главным источником была внутренняя миграция из беларусских сел, что определило специфику беларусской урбанизации именно как количественный рост населения городов. Процесс роста городов без городского развития можно было бы проиллюстрировать историческим исследованием беларусских местечек, которые еще в XIX веке в Восточной Беларуси и до 1939 года в Западной сохраняли признаки города с элементами самоуправления, сложной социальной

структуры, соседства, сосуществования и сложного взаимодействия различных общин (еврейской, католической, православной, протестантской в частности). Зачастую в этих местечках проживало от 2-3 тысяч до 10-15 тысяч человек. В годы советской индустриализации и урбанизации эти местечки увеличились в размерах в несколько раз, но утратили самоуправление, общинное разнообразие – стали монообщинными и лишились каких-либо признаков городской жизни. Но такое исследование, посвященное городскому развитию, еще предстоит задумать и реализовать.

Таким образом, в качестве стержневых процессов, задающих основные параметры и направления изменений качества и образа жизни в Беларуси, мы рассматриваем урбанизацию и индустриализацию. В ходе этих процессов меняется не только численность сельского и городского населения, но и происходит трансформация соответствующих образов жизни, связанная с трансляцией, производством или изменением норм, моделей поведения, способов восприятия мира и мышления. А основными категориями, в которых схватывается, понимается эта сфера, а затем и объектами преобразований являются городской и сельский образы жизни.

Многие современные нации переживали в своей истории период более или менее бурной урбанизации и индустриализации. Англия стала превращаться в индустриальную страну в XVIII веке, в период первой промышленной революции. У большинства европейских наций этот период пришелся на вторую половину XIX и первую половину XX века. Беларусь же проходила стадии ускоренной урбанизации и индустриализации после Второй мировой войны. Причем пик интенсивности этих процессов приходится на 70-ые и 80-ые годы XX века. Это обстоятельство не только нельзя проигнорировать, изучая беларусское общество, напротив, оно является ключевым для понимания, истолкования и объяснения всего того, что с беларусским обществом происходит.

Поэтапное разворачивание ускоренной урбанизации и индустриализации

Исторические корни современного положения дел в Беларуси необходимо восстанавливать как минимум с конца XIX века, но Вторая мировая война оставила на нашей стране и нации такой сильный отпечаток, что, с одной стороны, сделала недействительными многие из процессов, начавшихся и протекавших, но оборвавшихся и не имевших продолжения из-за войны. А с другой стороны, разрушение, потери и катастрофы Второй мировой войны потребовали запуска столь мощных процессов восстановления, что жизнь на этой территории как бы началась с нуля. Конечно, это «как бы» условно, но дает нам возможность рассматривать послевоенный период истории Беларуси как целостный, непрерывный, фундированный одним содержанием и одними и теми же смыслами, а предшествующую историю — скорее как предысторию, которую нельзя обойти стороной, нельзя отменить, но которая, увы, не могла оказывать на послевоенное развитие должного влияния[7].

Итак, период после 1944 года и до наших дней в рамках нашей темы мы можем рассматривать как единый и целостный и в со-

---

[7] В ходе наших исследований малых городов Беларуси мы могли констатировать, что каким бы богатым и интересным не было прошлое этих городов, для понимания их современной жизни оно практически не может быть востребовано. И дело не в том, что мало сохранено в памяти от довоенного времени. Даже там, где эта память хранится, после войны были запущены совершенно иные процессы организации городской жизни, которые никак не связаны с трансляцией предыдущих образцов и норм ее (городской жизни) устройства. Во многом это объясняется физическим уничтожением носителей таких норм. Подавляющее большинство городского населения (особенно малых городов) составляли евреи (от 70 до 90 %). В результате их уничтожения или выселения не осталось практически никого, кто смог бы задать и распространить нормы довоенной городской жизни. Новые нормы стали формироваться непосредственно под воздействием процессов ускоренной урбанизации и индустриализации, как с «чистого листа».

ответствии со стержневым сквозным процессом характеризовать его как эпоху индустриализации и урбанизации. Однако даже целостный период, длящийся несколько десятилетий, не может быть гомогенным и однородным. Мы выделим несколько периодов эпохи индустриализации и урбанизации в Беларуси.

Первый этап — послевоенное восстановление и закладывание фундамента индустриализации — с лета 1944 года до середины 60-ых годов. Огромнейшие людские потери в Беларуси во время Второй мировой войны, тем не менее, практически не изменили соотношение городского и сельского населения в стране[8].

Этот послевоенный период традиционно (и справедливо) связывается с восстановлением хозяйства, промышленности и разрушенных городов. Но наряду с восстановлением необходимо выделить и другие процессы***. Во-первых***, параллельно и как бы внутри процессов восстановления происходит ***создание новых предприятий***, не существовавших до войны. В первую очередь, это крупные машиностроительные гиганты — автомобильный и тракторный заводы. Создание новых предприятий требовало миграции специалистов в Беларусь извне и миграции рабочей силы из деревень в города. Поэтому постепенно менялось соотношение городского и сельского населения. ***Во-вторых,*** параллельно восстановительным и конструктивным процессам разворачивались ***деструктивные процессы***. К ним в первую очередь следует отнести ***насильственную трансграничную репатриацию*** — выселение польско-католического населения из Беларуси в Польшу и встречный процесс переселения православного населения из районов, отошедших Польше, в Брестскую область, а также ***выселение беларусских семей в ссылку и ГУЛАГ***, к чему в 50-ые годы

[8] Перед войной, в 1941 году городское население составляло 1968,7 тыс. человек против 7123,3 тыс.чел. сельских жителей или 21,7% к 78,3%. В 1950 году городское население составляло 1619,5 тыс.чел. против 6089,5 тыс.чел. сельских жителей или 21% к 79%.

добавилось ***освоение целины***. Насильственное перемещение людей сопровождалось интенсивной ***коллективизацией*** в трех западных областях: Брестской, Гродненской и впоследствии ликвидированной Молодечненской. Она носила более мягкий характер, нежели довоенная коллективизация в восточных областях. Однако это никак не должно маскировать разрушения традиционного уклада жизни.

Депортации населения вместе с коллективизацией были весьма разрушительны по своим последствиям для традиционно существовавшего образа жизни, традиционно складывающейся самоидентификации людей, семейных устоев и морально-психологических особенностей беларусского крестьянства.

Еще одним процессом, серьезно повлиявшим на изменение образа жизни, стало продолжение мелиорации Полесья в Восточной Беларуси и запуск интенсивной мелиорации в Брестской области. В силу недостаточной исследованности этого периода мы не можем однозначно квалифицировать мелиорацию и сопутствующие ей процессы изменений традиционных форм сельского хозяйствования и образа жизни. Они имели как негативные, так и позитивные стороны. Оценка этих социальных явлений требует специальных дополнительных исследований.

Иное дело — коллективизация в Западной Беларуси. Если не учитывать сталинских репрессий против населения оккупированных областей и карательных акций против антисоветского сопротивления, то можно было бы согласиться с тем, что коллективизация в Западной Беларуси носила более мягкий характер, нежели довоенная коллективизация в восточных областях. Во-первых, потому что коллективизация проводилась с учетом довоенного опыта, на фоне более высокого материально-технического обеспечения и сопровождалась началом индустриализации сельского хозяйства. С учетом менталитета и дисциплинированности крестьянства Западной Беларуси эти процессы обеспечили лидерство Гродненской и Брестской областей в агропромышленном комплексе практически на протяжении всех последующих десятилетий. Однако это никак не должно маскировать разрушения традиционного уклада жизни.

Учитывая это, даже в 90-ые годы в западных областях, которые вошли в состав СССР только в 1939 году, были бы возможны (при иной государственной политике) реституции, разворачивание фермерских хозяйств на базе семейной собственности крестьян, которые к тому времени были еще живы. Однако время упущено, и сегодня почти не осталось людей трудоспособного возраста, которые были бы заинтересованы и имели бы возможность заняться восстановлением всего того, что было утрачено в период коллективизации послевоенных лет.

Если относительно городов и городского населения период с 1944 по 1965 годы можно рассматривать как достаточно целостный и гомогенный, то применительно к сельскому населению его следует разбить на два подэтапа. Первый из них характеризуется собственно большевистским сталинским отношением к колхозному крестьянству, когда колхозники были полностью лишены экономической самостоятельности, а также политических и гражданских прав. Они были ограничены в свободе перемещений даже внутри страны в силу жесткого института прописки и отсутствия общегражданских паспортов. Оплата их труда, чаще всего, производилась «натурой», что вело к экономическому закрепощению и еще большему ограничению свобод. Второй подэтап можно увязать с периодом хрущевских реформ, когда колхозники получили равные права с остальными гражданами, когда им стали выплачивать заработную плату в деньгах и начислять пенсию. Окончательное выравнивание в правах городского населения и колхозного крестьянства произошло не ранее середины 60-ых годов.

Итак, в ходе разворачивания ускоренной урбанизации и индустриализации основными категориями в сфере образа жизни стали «городское и сельское население». Это деление было адекватно задачам, которые ставились советской властью в отношении обустройства жизни в стране. Соответственно основные характеристики жизни привязывались к этим определениям и к желаемым образцам городского и сельского образа жизни. Причем эти образцы наполнялись новым содержанием и смыслом в соответствии с зада-

чами индустриализации и урбанизации. Сельский образ жизни советского человека задавался как противоположный крестьянскому образу жизни. То же самое можно говорить и о городском образе жизни. В эпоху индустриализации он характеризовался, в первую очередь, привязкой к индустрии, производству, а не к городу как особому способу организации жизни.

Второй этап (конец 60-ых — 1981 год) условно можно называть «машеровским», хотя реальное его начало следует привязать к реформам в хозяйственно-экономической сфере СССР в конце 60-ых. Экономика предшествующего периода, несмотря на «хрущевскую оттепель» и реформы, все еще носила черты большевистского сталинского подхода. В самом общем виде этот подход характеризуется тем, что все хозяйственно-экономические проблемы, все нужды и потребности индустриализации решаются административно-волюнтарискими методами: потребность в рабочей силе — путем переселения с места на место больших масс народа, дефицит налоговых поступлений — путем конфискаций или принудительного размещения облигаций.

В середине 60-ых годов такие методы управления народным хозяйством были признаны неэффективными. Реформы 60-ых годов можно считать попыткой перехода от военно-административных методов управления народным хозяйством к административно-экономическим. Были предприняты попытки экономического стимулирования в сфере товарного производства и обращения, но перевод хозяйства на экономические формы был непоследовательным и незаконченным. И, тем не менее, даже такие непоследовательные экономические реформы привели к тому, что в Советском Союзе появились отдельные сегменты рынка, в частности рынок рабочей силы. Правда, чем менее квалифицированной была рабочая сила, тем в большей степени она регулировалась рыночными механизмами. Рынка квалифицированных специалистов, профессионалов с высшим образованием по-прежнему не было. Действовал механизм общесоюзного распределения специалистов.

Освобождение колхозного крестьянства вместе с ростом производительности и эффективности труда в сельском хозяйстве привело к неожиданному для политической элиты БССР конкурентному преимуществу Беларуси перед другими регионами. Оказалось, что при отсутствии ценившихся в те времена полезных ископаемых основное богатство Беларуси составляет дисциплинированная рабочая сила, которая, будучи освобожденной от крепостной колхозной зависимости, при отсутствии ГУЛАГА и плановых депортаций была готова только к миграции из села в город в пределах Беларуси. Потенциал этой рабочей силы был очень велик. Партийная и хозяйственная элита Беларуси во главе в П. Машеровым сумела обеспечить условия для использования этого потенциала.

Первое условие —лоббирование в структурах Госплана и на уровне Совмина СССР размещения на территории Беларуси новых производств, не требовавших сырьевых ресурсов, но человекоемких. К таким производствам в 60-е годы относились химическая, радиоэлектронная и легкая промышленности.

Второе условие связано с повышением качества дисциплинированной рабочей силы. Речь идет о профессиональном образовании. Именно с середины 60-ых годов Беларусь стала лидировать в СССР по темпам, уровню и качеству развития системы профтехобразования. Соответственно, ПТУ готовили кадры для вновь строящихся предприятий, а ВУЗы готовили кадры для ПТУ. Развитие высшего образования следовало в фарватере развития промышленного производства. Первоначальная же потребность в квалифицированных кадрах с высшим образованием решалась за счет всесоюзного распределения из других регионов. Это создавало диспропорцию в уровне образования местных жителей и мигрантов. Мигранты из других регионов имели относительно более высокий уровень образования и занимали место культурной элиты беларусских городов. Элиты в смысле потребления культурных ценностей, но не производства их. Но это определяло высокий спрос на русскоязычную культурную продукцию на фоне низкого спроса на беларусскоязычную. Беларусская культура и беларусские традиции не

были востребованы, и упадок культуры резко контрастировал с относительным социально-экономическим прогрессом. Впоследствии это сказалось на том, что при распаде СССР в Беларуси просто не оказалось национально-ответственной элиты, и идея строительства независимого национального государства была чужда верхушке беларусского общества.

Машеровская политика индустриализации Беларуси была логическим продолжением предшествующего этапа развития и изменения характера расселения в стране. На протяжении этого периода городское население возрастало в среднем на 150 тыс. человек ежегодно. К 1976 году городское население превысило 50%, а к концу этого периода составило 57% жителей республики. При этом основным источником была внутренняя миграция из сельской местности в города.

К этому периоду индустриализация агропромышленного сектора шла ускоренными темпами. Она сопровождались повышением производительности труда и ежегодным высвобождением десятков тысяч рабочих рук. Никакой иной формы занятости, кроме индустриального животноводства и агропроизводства, на селе не существовало, поэтому высвобождающееся сельское население переезжало в города, где уже были готовы места для низквалифицировонных рабочих или учебные места в ПТУ.

Следует отметить, что на протяжении всех рассматриваемых лет динамика изменения пропорции городского и сельского населения была достаточно равномерна. Доля сельского населения сокращалась в послевоенный период в среднем на 1% в год. При всем при том, что это достаточно высокие темпы урбанизации, такая равномерность является предпосылкой довольно гармоничного, некризисного хода урбанизации. За этот период страна (республика — административный регион в составе СССР) из аграрной превратилась в индустриально-аграрную. Причем изменение расселения было гармонизировано с изменением образовательного уровня, рода занятий и форм занятости населения.

Следует также подчеркнуть, что эта равномерность и как бы гармоничность в период ускоренной урбанизации не стимулировали адекватного общественного осознания фактических перемен. Превратившись в индустриально-аграрное общество с преобладанием городского населения, с по-прежнему высокими темпами урбанизации, с подавляющим экономическим доминированием городов, беларусская нация по-прежнему воспринимала себя сельским народом[9]. При этом, следует отметить, что сама организация жизни на селе претерпела кардинальные изменения и уже не имела никакого отношения к крестьянскому образу и качеству жизни доиндустриального сельского хозяйства.

Индустриальное производство и соответствующая организация всех сторон жизни и в городе, и на селе окончательно закрепились. Причем не только в теории и практике советских управленцев и политиков, но и в языке обосновывающих, описывающих и объясняющих эту практику общественных наук. Но что еще более важно: и в обыденном языке, знаниях и мышлении, в которых обычный советский человек оценивал и планировал свою жизнь.

Третий этап условно назовем «Перестройкой» (1981—1991 гг.), хотя для Беларуси начало этого этапа с Перестройкой никак не связано. Начался он после гибели П. Машерова и продолжался до распада Союза и обретения реальной независимости. Развитие Беларуси в предшествующие десятилетия не было стихийным. Для того, чтобы осознать возникшее конкурентное преимущество Беларуси как региона в составе СССР, необходимы были и административный талант главных руководителей БССР, и, пусть и очень своеобразный, патриотизм или даже национализм партийной и хозяйственной элит. Беларусские руководители умудрялись извлекать пользу для народа

---

[9] В силу инерционности общественного сознания даже в третьем тысячелетии беларусы по-прежнему мыслят себя крестьянским народом и именно этим обстоятельством склонны объяснять разного рода политические феномены и несуразности, а также культурную инертность.

из сложившегося геоэкономического положения в составе СССР. Наверное, подобным же образом вели себя руководители некоторых других союзных республик в те времена. Правда, все прибегали к разным стратегиям и по-разному понимали пользу и выгоду. Последующие десятилетия все расставили на свои места. Казавшаяся богатой и процветающей Грузия в 90-ые годы переживала глубокий упадок. Скромная Литва получила в наследство не только Игналинскую АЭС и Мажейкяйский НПЗ, но и лучшую в Советском Союзе сеть автомобильных дорог. А что же получила Беларусь?

Восьмидесятые годы XX века для развитых стран мира могут быть охарактеризованы как постиндустриальная эпоха. Беларусь же в этот период вступила в фазу наивысшего индустриального расцвета. Десятилетие после гибели П. Машерова показало эффективность его экономической политики, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Советский Союз в целом с конца 70-ых годов вступил в полосу экономического и культурного застоя. Для Беларуси же этот период стал временем относительного экономического благополучия и началом культурного возрождения.

Большая часть промышленных предприятий, построенных в предшествующий период, в 80-ые годы вышли на проектную мощность. Капитальные вложения в основные фонды, запланированные в предшествующий период, пусть и со сбоями, продолжали поступать в Беларусь. Более того, в отличие от других регионов Советского Союза, эти капитальные вложения не разворовывались, а действительно осваивались. Беларусь сохранила темпы индустриализации и урбанизации, характерные для предшествующего периода, укрепила свои позиции как индустриально-аграрная страна. И это даже получило закрепление в общественном сознании в метафоре «сборочный цех СССР». К последнему году существования СССР городское население составляло 67%. Относительное благополучие 80-ых годов создавало у беларусов иллюзию развития и даже некоторый комплекс превосходства над другими регионами находящейся в застое империи. Иллюзия развития вызывалась тем, что доходы активно работающих предприятий видны всем и каждому, тогда

как моральное устаревание оборудования, диспропорция амортизационных отчислений и сокращение капитальных вложений как в абсолютном, так и в относительном выражении замечаются только специалистами. Но в 80-ые годы в Беларуси уже не было той талантливой и патриотически настроенной партийной и хозяйственной элиты, которая могла бы заметить эти неочевидные негативные стороны экономической ситуации. Узкие же специалисты, которым была доступна объективная информация и понятны следствия из нее, были сосредоточены в структурах Госплана и Совмина в Москве.

Пребывая в таком иллюзорном самообольщении, беларусское общество пассивно восприняло Перестройку и не смогло ни воспользоваться открывающимися возможностями, ни подготовиться к потенциально заложенным в ней неприятностям. Главной из этих неприятностей, неожиданной и непредсказуемой, стала Чернобыльская катастрофа.

О Чернобыльской катастрофе написано очень много, в том числе об экономических последствиях и о влиянии на уклад жизни беларусов[10]. Именно Чернобыльская катастрофа привела к наиболее значительному после Второй мировой войны стремительному изменению территориального расселения, а может быть, даже и превзошло его. В результате изменились не только карты расселения, но и карты хозяйственной деятельности, пригодности территорий для сельскохозяйственного использования. Сотни тысяч людей не просто сменили место жительства, но сменили и тип поселения, и образ жизни. Помимо всех прочих последствий, Чернобыльская авария самым ярким образом высветила диспропорции в хозяйственно-экономическом развитии Беларуси.

---

[10] Лыч Г.М., Патеева З.Г. Чернобыльская катастрофа: социально-экономические проблемы и пути их решения. Мн.: Право и экономика, 1999.
Шевцов Ю. Объединенная нация. Феномен Беларуси. 2005.

Существует одно обстоятельство, которое не нашло должного отражения в анализе последствий Чернобыльской аварии, которое важно для характеристики описываемого периода. Речь идет о специфической хозяйственно-экономической организации регионов в составе Советского Союза. Экономика Беларуси, с точки зрения страновых требований, была организована очень неправильно. Развивая в период интенсивной индустриализации энергоемкие производства, Беларусь совершенно не заботилась о пропорциональном развитии энергетики. Беларусь не могла сама удовлетворять свои энергетические потребности. Не имея на своей территории ни одной атомной электростанции, Беларусь была окружена ими с севера (Игналинская АЭС), востока (Смоленская АЭС) и юга (Чернобыльская АЭС). Мы уже отмечали выше дисциплинированность рабочей силы Беларуси как один из основных конкурентных факторов, но этот фактор совершенно бесполезен в случае техногенных катастроф за пределами страны. Авария произошла на Украине, а наибольший ущерб понесла Беларусь, не имевшая возможностей ни самостоятельно участвовать в ликвидации аварии, ни принимать решения относительно дальнейшей судьбы Чернобыльской АЭС. Точно так же, как и в решении проблем, связанных с эксплуатацией Игналинской и Смоленской АЭС.

Хозяйство и экономика Беларуси развивались не в интересах страны, нации, а в интересах огромной империи СССР. Именно по этой причине, даже сохранив очень высокий уровень производства, как индустриального, так и сельскохозяйственного, в 1991 году Беларусь оказалась в таком же плачевном положении, как и все остальные осколки империи. Важно то, что вопреки устоявшимся советским представлениям для экономического развития важны, в первую очередь, не производственные силы, а производственные отношения. Именно это открытие в наивном экономическом сознании в 90-ые годы стали называть «разрывом экономических связей». К концу перестройки стало очевидно, что беларусская экономика бессвязна. Точнее, она никак не привязана к нуждам, потребностям, возможностям самой Беларуси. Все хозяйственные,

технологические и маркетинговые связи не связаны в структуру в масштабах страны, а разомкнуты на весь бывший СССР.

В этом смысле напрашивается сравнение предшествующего этапа индустриализации и урбанизации Беларуси (Машеровский) и описываемого. В этом сравнении становится совершенно очевидно, что индустриальные гиганты, создававшиеся в Беларуси в 60-70-ые годы были эффективны только в рамках советской хозяйственно-экономической системы. То есть они были предназначены не для товарного производства, а для выкачивания фондов из союзного бюджета. Когда союзный бюджет был исчерпан, нужно было срочно переориентировать индустриальные ресурсы на товарное производство, искать и осваивать рынки сбыта, то есть заниматься международной торговлей. А для этого в Беларуси не было создано ни соответствующих структур (в Советском Союзе этим занималось Министерство внешней торговли и другие соответствующие ведомства, все они находились в Москве), ни специалистов. В принципе, не существовало маркетинговой деятельности как таковой. Специалисты по маркетингу по количеству не были сопоставимы с индустриальными рабочими или колхозными крестьянами, но, как показали последующие события, именно дефицит редких и малочисленных, но системно значимых профессий и привел к тому, что все связи были разорваны. Причем в советской политэкономической науке были в достаточной степени разработаны все необходимые теоретические представления, но они рассматривались как теоретические, относящиеся к абстрактному, как бы несуществующему капитализму. Отсутствие же новых знаний и нового мышления[11] в момент распада СССР и стало главной причиной всех хозяйственно-экономических проблем.

Отсутствие знаний и мыслительных средств для рационального разрешения ситуации, накапливающихся кризисов привело к тому,

[11] При этом, «новое мышление» — одна из самых модных категорий Перестройки.

что прежние нормы и эталоны советского образа жизни стали обоснованием и оправданием консервативного реванша. Они стали основой политики беларусского государства на новом этапе уже современной истории.

***

Такова предыстория современного положения дел в Беларуси. Такая Беларусь досталась в наследство первому правительству независимого государства. Ни первое правительство, ни все последующие правительства установившегося после 1994 года режима не смогли выработать программу решения накопившихся проблем, не смогли переориентировать Беларусь в соответствии с требованиями современности. В начале раздела мы охарактеризовали программу действий беларусского государства как продолжение советской программы индустриализации и урбанизации. Закончим эту характеристику описанием социально-демографического положения и подведением итогов процессов ускоренной индустриализации и урбанизации.

Последствия индустриализации и урбанизации для сферы образа жизни беларусов

Не углубляясь в подробный анализ, представим «сухую» картину социально-демографических показателей, которые отчетливо характеризуют состояние беларусского общества.

До 1994 года численность населения республики постоянно повышалась[12] и достигла 10 243 тыс. чел., но, начиная с 1995 года, она стала снижаться. И уже в 2000 году Беларусь перестала быть

[12] Для Беларуси, по сравнению с другими советскими республиками, демографические последствия Второй мировой войны оказались самыми негативными. Беларусь превысила довоенную численность населения только к 1972 году, когда как Латвия и Эстония — к 1950 г., Грузия и Молдова — 1953 г., Россия и Азербайджан — к 1955 г., Украина — к 1959 г., и Литва — к 1965 г.

10-миллионной нацией, что по квалификации экспертов ООН является угрозой перехода к разряду малочисленных и вымирающих народов. В 1993 году положительное сальдо естественного прироста населения сменилось на отрицательное. К 2004 году рождаемость была равна 9,1 (в расчете на 1000 населения), смертность – 14,3, то есть естественный прирост равен — 5,2. По состоянию на 2005 год в Беларуси проживало 9 800 тыс. человек[13].

При общем уменьшении населения страны численность городских жителей и после 1994 года продолжала расти, хоть и не так, как раньше. В 1994 г. городских жителей насчитывалось 6 927 тыс.чел., а в 2005 — 7 055 тыс.чел. Причем основной прирост городского населения происходит за счет увеличения численности населения столицы, с 1994 по 2005 годы оно увеличилось на 100 тыс.чел. А вот сельское население стремительно уменьшается: от 3 316,5 тыс.чел. в 1994 году до 2 744,2 тыс.чел. в 2005 году.

На этом фоне следует отметить, что показатель ожидаемой продолжительности жизни неуклонно увеличивается, и к 2005 году составил 69,0 лет (для сравнения в России — 66,1, в Украине — 68,1, в экономически развитых странах — 80 лет).

Внешняя миграция как источник пополнения численности населения не покрывает потери. Основной миграционный обмен происходит с Россией, Украиной и Казахстаном, на которые приходится 91,5% всех прибывших в республику. Сальдо миграции из бывших советских республик достигло пика к 1992 году, затем стало снижаться и в 2004 году составило только 4,7 тыс.чел., среди которых 37% старше 50 лет.

Снижение естественного прироста населения в комплексе с возрастающей продолжительностью жизни ведут к существенному

---

[13] Население Республики Беларусь. Статистический сборник Министерства статистики и анализа РБ. Минск, 2005 г.

перекосу в половозрастной структуре населения. На начало 2005 года лица в возрасте старше 65 лет составляли 14,5% среди всего населения (в 1990 г. — 10,5%). Население, в котором этот показатель более 7% считается старым. Каждый пятый житель республики находится в пенсионном возрасте, а в сельской местности — каждый третий. В свою очередь, доля детей младше 15 лет сокращается (с 23,1% в 1990 г. до 15,6% в 2005г.).

В рамках темы качества и образа жизни важными показателями являются не только численность и возрастной состав населения, но и ***распределение сельского и городского населения***. На сегодняшний день в сельской местности в Беларуси проживает 28,0% населения, а городскими жителями являются 72%. Отмеченный выше демографический перекос в наибольшей степени касается именно сельских жителей страны. Это выражается, в первую очередь, в деформации половозрастной структуры сельского населения, которая связана как с отрицательным естественным приростом, так и с высокой внутренней миграцией, оттоком молодежи. Если среди горожан естественный прирост в 2005 году составил -1,4, то для сельских жителей этот показатель равен —15,0. Доля людей старше трудоспособного возраста на селе составляет 31,5%, в городе 17,2%. Смертность населения составляет на селе 23,6%, а в городе 10,6%, при этом число женщин репродуктивного возраста в городе на 10 % выше числа мужчин, а на селе на 15% ниже.

Среди различных регионов Беларуси наименее урбанизированными являются Брестская и Гродненская области, в них процентное отношение городских и сельских жителей составляет 63,0 : 37,0 и 65,7 : 34,3 [14]. Наиболее урбанизированной (кроме Минска) является Могилевская область (73,4 : 26,6).

[14] Особую позицию по этому показателю занимает Минская область, так как из расчета исключен Минск, тогда как для других регионов областные центры включены, в результате сельское население этой области составляет 45,8%.

Сравнение отдельных показателей жизни городского и сельского населения показывает, что по официальным данным к 2004 году структура затрат городского и сельского населения в целом сходна. Однако субъективная оценка уровня доходов значительно отличается. Среди городских жителей около трети отмечают, что им хватает денег на «нормальную жизнь», тогда как среди сельских жителей таких около 21%[15].

По основным ***сферам занятости*** население Беларуси распределено следующим образом[16]. В промышленности занято 26,8%, в сельском хозяйстве — 10,7%, торговле и общественном питании — 12,4%, образовании — 10,5%, строительстве — 7,7%, транспорте и связи — 7,6%. За последние 15 лет наиболее существенно снизилась занятость в сельском хозяйстве (на 8,4%), уменьшение также характеризует промышленность (на 4,1%) и строительство (3,4%). Увеличение произошло в торговле и общественном питании (на 6%), а также в отраслях, не являющихся представительными в общей структуре.

Изменяется уровень образования рабочей силы в Беларуси. С 1995 года число работников с высшим образованием увеличилось в различных регионах в среднем на 4—5%, а в столице — на 8,3%. По состоянию на 2005 г. среди работников высшее образование имеют 34,4% в Минске и около 18—19% в областях. По уровню образования город резко отличается от села. В 1999 году на 1000 чел. городского населения приходилось 176 чел. с высшим образованием, а сельского — менее 60 чел.

——

[15] Бородачева Е.М., Зразикова В.М. Методическое обоснование изучения уровня бедности в социологических опросах. // Социальные и социокультурные процессы в Беларуси. Мн. ,2005. С. 61—68.

[16] По данным на 2004 год. Сельское хозяйство республики Беларусь. Статистический сборник / Министерство статистики и анализа РБ — Мн., 2005.

Описанный выше характер разворачивания процессов ускоренной индустриализации и урбанизации, а также социально-демографическая картина современной Беларуси позволяют судить ***об образе и качестве жизни, сложившихся в беларусском обществе***.

Очевидно, что современные городские жители, находящиеся в активном возрасте или завершающие свою трудовую деятельность, в большинстве своем являются типичными маргиналами — людьми, рожденными и выросшими в деревне, тогда как делали карьеру и создавали семью уже в городе. А младшее поколение является первым собственно городским массовым поколением. Это означает, что ни у старшего, ни у младшего поколения взрослых нет сколь-нибудь устойчивых культурных традиций и городских корней. А поскольку они составляют подавляющее большинство городского населения, то потомственные горожане и носители городских традиций растворяются среди них. Оказываясь в положении рассредоточенного меньшинства, они почти не оказывают влияния на ход городской жизни и управление городами.

Явные последствия ускоренной урбанизации для городской жизни достаточно очевидны, многократно описаны и хорошо проанализированы. Справедливости ради следует признать, что Беларуси частично удалось избежать наиболее неприглядных негативных последствий ускоренной индустриализации и урбанизации для городского населения и нации в целом. Как правило, быстрый рост городов приводит к пролетаризации его населения. В таких поселениях общественная мораль и нравственность перестают выполнять регулирующие функции, поэтому асоциальные формы поведения в них начинают доминировать. Беларуси удалось провести урбанизацию без таких жертв. Это было обусловлено несколькими факторами.

1) Очень высокой степенью социальной защищенности мигрантов. Высокие темпы урбанизации в Беларуси сопровождались не менее высокими темпами индустриального квартиростроения (хрущевские программы, развитие крупнопанельного строительства). Кроме того, в Беларуси достигло наивысшего уровня (по меркам

СССР) профессионально-техническое образование. Оно открывало дорогу к продолжению образования. Таким образом, мигранты из деревни в город были обеспечены: а) работой; б) жильем (сначала социальным: общежитие, «малосемейки», а затем и обычным по советским меркам); в) образованием и возможностями для его продолжения.

Правда, следует отметить, что социальные болезни все же встречались в городах, которые самыми первыми вступили в период индустриализации и роста (например, Орша), а также в городах, индустриализация которых осуществлялась по не характерному для Беларуси варианту (например, Светлогорск, население которого лишь в незначительной степени было местным, а большая часть из России или других регионов СССР).

2) Беларусская индустриализация и урбанизация осуществлялись на фоне относительно высокого развития инфраструктуры, транспорта и связи. Период ускоренной индустриализации и модернизации Беларуси приходится на вторую половину XX века, когда страны первого и второго мира (как было принято называть в те годы) уже вступили в постиндустриальную стадию развития. Это позволило на первых порах сохранять устойчивые и тесные связи между семьями, созданными молодыми мигрантами в городах, и их родителями, оставшимися в селе. Это тормозило процессы эрозии и разрушения традиционной морали и нравственности, позволяло поддерживать социальное здоровье нации. Устойчивость и теснота этих связей стали ослабевать к 80-90-ым годам, когда уже деградация сельского образа жизни

[17] Мы не возьмем на себя смелость оценивать культурно-исторические процессы некоторых других европейских наций, которые, как нам представляется, не прошли стадию индустриализации и урбанизации или, может быть, не завершили ее. Например, Румыния, Албания, Болгария, Молдова и бывшие югославские республики, кроме Словении.

зашла настолько далеко, что практически село не оказывало влияния на городских жителей.

*3) **Последние годы ускоренной индустриализации и модернизации в Беларуси совпали с началом кардинальных перемен в Восточной Европе, что вернуло Беларусь и другие нации региона в общеевропейскую историю и к нормальному развитию.*** То есть, будучи едва ли не последней европейской нацией, прошедшей через стадию индустриализации и урбанизации[17], Беларусь почти не опоздала к началу общеевропейской деиндустриализации. Включилась в процессы глобализации практически наравне с большинством стран-соседей.

Иное дело последствия для сельского населения, сельского образа жизни, культуры и инфраструктуры села. Эти последствия довольно разрушительны, но недостаточно описаны и поняты (может быть, за исключением художественной литературы, правда, не у нас, а в России — так называемые писатели-деревенщики).

1. Катастрофический демографический перекос. Миграция в город затрагивает в первую очередь деревенскую молодежь, что моментально сказывается на рождаемости и сопровождается ускорением демографического старения населения, темпы которого в некоторых местностях совпадают с физическим старением человеческого организма.

2. Трансформация экономического поведения, а именно отношения к земле, и способов хозяйствования. Сельская экономика немыслима без процессов наследования собственности. Старение населения и отсутствие детей и молодежи в селе обессмысливает наследование как таковое, и в частности майорат. Хозяйства, для которых не предполагается наследников, деградируют и умирают гораздо раньше их хозяев. Дело не только в отсутствии хозяйственного прогресса, но и в консервации и последующей деградации образа жизни.

3. Физическое вымирание деревень. Отсутствие в настоящее время большого количества брошенных и умерших деревень

объясняется сельскохозяйственной политикой в СССР 60-70-ых годов, когда появился термин «неперспективные деревни» и была развернута программа укрупнения колхозов и переселения колхозников из хуторов и неперспективных деревень в укрупненные села и агрогородки. Реально же с карты Беларуси за последние 50 лет исчезло огромное количество сельских населенных пунктов и индивидуальных хуторских усадеб.

4. Социально-психологические последствия. Переезд в город в индивидуальной судьбе человека, жившего в сельской местности, воспринимается как удача и практически всегда оценивается положительно. Соответственно, наоборот, оставшиеся в деревне воспринимаются теми, кто уехал в город, как неудачники. Да и сами оставшиеся склонны считать свою судьбу несложившейся. Около 22% современного сельского населения Беларуси сориентированы на смену своего социального статуса, то есть готовы стать городскими жителями[18]. Низкий статус сельской жизни порождает разного рода комплексы и в совокупности с экономической бесперспективностью приводит к пьянству и другим социальным порокам. Число самоубийств на селе выше, чем среди городских жителей[19].

5. Социокультурные последствия. Независимо от того, составляет ли сельское население большую или меньшую часть нации, оно в любом случае остается традиционно консервативным ядром нации, хранителем этнических традиций, особенностей национального характера, менталитета и всего, что в подобном ряду описывается исследователями. В определенном смысле состояние сельского населения можно считать показателем здоровья

[18] Смирнова Р. А. Социально-экономическая активность белорусского крестьянства в условиях социально-экономических реформ // Социальные и социокультурные процессы в Беларуси. Мн. 2005. С.87-98.

[19] Население Республики Беларусь. Статистический сборник Министерства статистики и анализа РБ. Минск, 2005 г.

нации. Соответственно, для беларусской нации хранителями традиций, менталитета, национальных черт характера выступают «неудачники», демонстрирующие крайне неэффективное экономическое поведение.

В комплексе последствия ускоренной индустриализации и урбанизации фактически разрушают нормы и традиции сельской жизни, придающие ей осмысленность и собственную ценность, что приводит к деградации сельского образа жизни как такового. В этом отношении необходимо специально остановиться на специфике разворачивания этих процессов, которая определила характер формирования сельского и городского образов жизни в Беларуси.

Первым и в значительной степени определяющим фактором для описанных последствий является ***охват индустриализацией всех отраслей хозяйства, сельского хозяйства в том числе***. Принципиально важно отметить, что индустриализация сельского хозяйства привела к формированию и осуществлению производственного подхода к развитию не только сельских территорий, но и сельского образа жизни. Такой подход предусматривает, что место целей развития находится в производстве и, соответственно, в обеспечении инвестиционного значения сельских территорий. Качество и образ жизни людей, живущих на этих территориях не только не является задачей развития, но и имеет второстепенное, производное значение. Они сводятся к расширению потребительской способности населения. Сельские сообщества как в глазах управленцев, так и в глазах самих жителей перестают быть самоценностью и становятся просто населением, проживающим и работающим на этой территории. Производственный подход к развитию сельского хозяйства обусловил весь комплекс последствий, относящихся к разрушению и деградации сельского образа жизни как особого уклада и способа социальной организации.

Вторым важным фактором, определившим последствия беларусской индустриализации и урбанизации, является ***отсутствие параллельного этим процессам развития третьего сектора***: общественных объединений и местных

сообществ. В условиях ускоренной индустриализации они выполняют функцию оформления и трансляции образажизненных оснований, сохраняя их от размывания и деградации и таким образом препятствуя маргинализации и люмпенизации населения. В советской системе такого рода объединения фактически отсутствовали, хотя и активно имитировались. В результате атомизированное общество как не защищено от разрушительных процессов, так и не готово к формированию и закреплению в культуре новых норм, ценностей, форм деятельности и мышления.

Третьим фактором, связанным с первыми двумя, является ***отсутствие действующего местного самоуправления.*** Существующие органы самоуправления – местные советы – включены в общую административную государственную систему, по сути, являясь ее частью. Если им и отводится какая-то роль в принятии решений по поводу организации жизни в конкретном поселении, но только совещательная. Поэтому степень воздействия на эти решения зависит исключительно от способностей и личного влияния отдельных депутатов. Решения по развитию территорий, строительству необходимых учреждений, например, образовательных или воспитательных, и созданию инфраструктуры (дороги, транспорт) и т.д. «спускаются» по административной вертикали. Таким же образом «спускается» ресурсное обеспечение выполнения этих решений. Местные советы, в свою очередь, не имеют ни полномочий по принятию решений, ни ресурсов для их исполнения. Отсутствие реальной управленческой практики искажает требования, предъявляемые к позиции управленца местного уровня, она рассматривается как сугубо исполнительская и встроенная в государственную систему управления, а не альтернативная. Сформированы и соответствующие такой позиции сервильные (обслуживающие) нормы и правила поведения, а также мышления управленцев. И те, кто занимает эти позиции, считает их само собой разумеющимися и не умеет по-другому.

Таким образом, при обсуждении проблем качества жизни и образа жизни мы, к сожалению, можем констатировать

отсутствие устойчивых, устоявшихся образцов и эталонов, которые были бы традиционными и автохтонными для Беларуси, которые выступали бы нормами и образцами в поведении, планировании карьеры сколь-нибудь значительных социальных групп или слоев населения. И это относится как к сельскому, так и к городскому образам жизни, поскольку первый фактически разрушен, а второй до конца не сформирован.

Имеющиеся различия между жизнью в городе и на селе обусловлены, в первую очередь, различием в уровне жизни. Он задает определенные ограничения тех или иных возможностей в потреблении, передвижении, карьере. И эти ограничения обусловлены местом проживания: на селе есть один круг возможностей, в городе – другой. Это различие ярко выражается в действующих стандартах сельской и городской жизни, которые не позволяют говорить о равных возможностях в доступе к различным образам жизни. В первую очередь это касается доступности информации, развитости возможностей физического передвижения, а также возможностей в социальной мобильности, то есть изменении социального статуса.

В настоящее время в Беларуси по инерции продолжаются запущенные 30-40 лет назад процессы ускоренной индустриализации и урбанизации, в то же время на них накладываются набирающие силу процессы деиндустриализации и обратной миграции из города в сельскую местность. Это во многом связано с глобализационными процессами, в зону действия которых Беларусь попадает независимо от желания людей или руководства страны. Действие этих процессов проявляется в широком распространении единых стандартов жизни, в создании общей инфраструктуры услуг, которая не зависит от места жительства. Наиболее показательным здесь является расширение сферы общих потребительских, а также экологических стандартов. Кроме того, развитие средств массовой коммуникации создает условия для информационной доступности разных образов жизни, расширении разнообразия выбора. Развитие техники связи и транспорта расширяет возможности реализации различных образов жизни.

Процессы глобализации не позволяют сохранять изолированность какой бы то ни было страны, находящейся в центре их разворачивания. Проницаемость территориальных, социальных и культурных границ, которые несет с собой глобализация, так или иначе затрагивает все страны. Поэтому противодействие этим процессам, желание сохранить изолированное положение становятся проблемой и вызовом для окружающих стран. Кроме того, единые стандарты распространяются через подписание международных договоренностей, межгосударственных соглашений.

Таким образом, беларусское общество находится в балансирующем, неустойчивом состоянии, когда фундаментальные, конституирующие процессы накладываются друг на друга и создают причудливую интерференцию, суть которой не схватывается банальными концепциями переходных транзитных обществ.

Выше мы развернули картину актуального состояния в сфере явлений образа жизни и предысторию деятельности и управления в этой сфере. Теперь перед нами стоит задача – перейти в другую плоскость рассмотрения этой сферы. Нам предстоит разобрать уже не исторический и эмпирический материал, а **способы мышления** об этой сфере, которые ***определили ее нынешнее состояние*** и задать иные способы и инструменты мышления и деятельности, которые ***позволят изменить эту сферу.***

К построению понятий образа и качества жизни

Понятия и действия

Выше мы описали ситуацию, сложившуюся в сфере образа и качества жизни в современной Беларуси, как требующую реформирования. Причем именно с реформированием этой сферы, то есть с разрешением кризиса образа жизни мы связываем начало поэтапного разрешения всего системного кризиса, в котором находится Беларусь.

Суть кризиса образа жизни состоит в том, что новые индивидуальные и коллективные формы организации жизни, улучшения качества жизни, выбора образа жизни противоречат сложившимся в обществе и государстве формам и способам принятия решений и регулирования. Несмотря на наличие государственных программ, направленных на работу с уровнем жизни, вся эта сфера целиком складывается стихийно, поскольку программы не принимают во внимание процессов глобализации, действующих независимо от этих программ. Они по-прежнему строятся в рамках индустриализации и урбанизации. Действие же процессов глобализации создает условия для широкого, практически неограниченного притока но-

вых образцов и эталонов жизни. Они осваиваются и реализуются в беларусской ситуации стихийно. С ними можно бороться, как с чуждыми, или же делать вид, что их не существует, не включая в описание, понимание, объяснение и в управление беларусским обществом. Именно так сейчас и происходит в беларусской социальной, управленческой и политической практиках. Но такой подход приводит не к разрешению, а лишь к усугублению кризиса. Новые социальные феномены, структуры, связи и субъекты остаются за рамками понимания, объяснения и рационального отношения, включая законодательное регулирование.

Восстановление управляемости этой сферы и ее реформирование требуют учета разворачивающихся процессов, а это невозможно в рамках той, прежней системы понятий и категорий, опирающихся на задачи индустриализации. Чтобы признать существование и возможности неограниченного расширения разнообразия образов жизни, которое возникает благодаря процессам глобализации, необходим пересмотр представлений о том, каким должно быть беларусское общество и как им можно управлять. А это требует переопределения всего комплекса понятий и категорий, на котором строится социальная практика.

В любой практике люди могут делать только то, что умеют. Ставят только такие цели, которые понимают. А понимание обеспечивается определенными понятиями и категориями. Если единственными категориями, в которых политики, обществоведы и менеджеры описывают человеческую жизнь, являются количественные (уровневые) категории, то в соответствии с ними строятся и государственная политика, и программа развития, точнее, не развития, а роста. Пока основными категориями в сфере образа жизни в рамках программ урбанизации и индустриализации были городской и сельский образы жизни, возможности реформирования в этой сфере будут ограничены изменением количественных показателей (стандартов), характеризующих эти образы жизни. Когда сегодня перед беларусским управленцем стоит задача улучшения качества жизни жителей, вверенной ему территории,

спектр решений, которые он может принять, ограничен рамками представлений о том образе жизни, который должны вести сельские или городские жители. Если в малом городе возникает проблема с занятостью, то в соответствии с советским индустриальным представлением о городском образе жизни, решение этой проблемы лежит в области обеспечения горожан рабочими местами на предприятиях, которые дают заработок, соответствующий установленным стандартам городской жизни. В этой схеме мышления и управления нет места таким вариантам, как обеспечение максимальной мобильности и стимулирование предпринимательской активности, не предполагается многообразия форм занятости.

Итак, ***возможность трансформации сферы образа и качества жизни мы связываем с разработкой новых понятий и категорий, в которых эта сфера может исследоваться, пониматься и в которых может строиться программа ее реформирования***. И главными, первостепенными проблемами становятся несформированность и неразработанность в беларусских гуманитарных науках представлений, понятий и категорий, описывающих, объясняющих и понимающих весь комплекс явлений, событий и процессов, связанных с современной организацией жизнедеятельности беларусов и образом или образами жизни.

Культурная политика в сфере образа жизни

Теоретизирование в гуманитарных областях знания существенно отличается от теоретизирования в естественных науках, в первую очередь, своим прикладным характером. Гуманитарное теоретизирование следует за прагматикой. В силу этого гуманитарные понятия с большим трудом объективируются. Разбираясь с такими понятиями, мы должны выяснять их назначение, инструментальный смысл и статус. Выяснять, что и зачем будет делаться с использованием этих понятий, каково их назначение в той или иной деятельности? Здесь мы сформулируем те практические установки и проблемы, которые побудили нас к переопределению и переосмыслению понятий и категорий в сфере образа жизни.

Настоящая работа является продолжением широкой программы деятельности Агентства гуманитарных технологий, начавшейся в 1994 году и продолжающейся с перерывами и отвлечениями до настоящего времени. Эту программу мы называем **«культурной политикой»**[1].

В самом общем виде «культурная политика» может быть описана следующим образом.

1. Мы исходим из того, что человеческие поступки и действия определяются и регулируются имеющимися у людей ***знанием и пониманием***. И нет ничего в результатах человеческих поступков и действий, чего не было бы до этого в знании и понимании действующих людей. Для того, чтобы изменить результаты и последствия человеческих действий и поведения, культурная политика сосредотачивает свои усилия на знаниях и понимании, на управлении знаниями и пониманием. В этом ее отличие от обычной политики, которая занимается воздействием на цели, мотивы и причины поведения и действий людей. Поэтому если перед обществом встает задача изменить социальную реальность, например, провести реформу, или с наименьшими потерями пройти и пережить переходный период, то, руководствуясь «культурной политикой», следует начинать с эпистемологии и герменевтики, то есть изменять и совершенствовать человеческие знания и понимания. И только после этого можно переходить к обычным, привычным политическим действиям.

2. Основным способом и методом реализации культурной политики является широкий ***общественно-политический диалог***. Полноценному диалогу следует учиться. Диалог является предметом организации и заботы культурного политика и не возникает сам собой, как нечто органично присущее людям

---

[1] Мацкевич В. Беларусь вопреки очевидности // Вопреки очевидности. Невский простор. 2006.

(как это нередко представляют наивные деятели третьего сектора, считающие демократические процедуры свойственными человеку от природы). Способом включения человека в диалог является совмещение в человеке как в субъекте политики двух разных планов: плана мышления, или оперирования понятиями и категориями и плана коммуникативного действия, или выражения участником диалога сообщений и предложений для Другого. Достижение действительного равенства и равноправия в диалоге возможно только при хорошей предварительной работе и подготовке каждого из участников. Требует подготовки и язык диалога, понятийно-категориальный аппарат, чтобы он позволял не только схватывать суть явлений, но и вступать в диалог. Большинство категорий советского обществоведения непригодны для коммуникации, они имеют «объективный», закономерный характер, их не обсуждают, а только выучивают. Противопоставление городского и сельского образов жизни не предполагает диалога по поводу самих образов жизни, не допускает «появления» новых образов жизни и выделения новых социальных групп.

Итак, программа культурной политики задает две основные рамки нашей работы:

1. Понятия и категории как основной предмет любой социокультурной и политической деятельности.

2. Установка на признание за человеком свободы выбора и управления своей жизнью через включение его в диалог с другими индивидуальными или коллективными субъектами.

Фиксация этих рамок определяет для нас комплекс проблем, которые должны быть решены в ходе разработки понятий и категорий для реформирования сферы образа жизни. Обсуждая эти проблемы и возможности их решения, мы и будем продвигаться к искомым понятиям и категориям, а затем и к программе исследования образа жизни.

Принципы разработки гуманитарных понятий

Первый вопрос, который возникает после декларации рамок нашей работы, это вопрос о том, почему мы не можем просто-напросто заимствовать современное западное гуманитарное знание в полном объеме и руководствоваться им. Нам уже не раз приходилось критиковать исследования и разработки в различных гуманитарных областях, посвященных Беларуси[2]. Как правило, ошибки и недостатки этих исследований и разработок связаны с ***некритическим заимствованием теорий и подходов, разработанных в иных социокультурных ситуациях и нерефлексивным использованием их в специфической беларусской ситуации***.

Мы далеки от мысли, что заимствование понятий и категорий из других подходов и теорий вообще невозможно, но при таком заимствовании большое значение приобретает рефлексивная адаптация и переосмысление понятий. Это предполагает критический разбор заимствуемой теории или подхода, установления того, что в нем общезначимого, инвариантного, а что ситуативного, окказионального, и каково соотношение между ними. Общезначимое и инвариантное можно распространить на различные социокультурные ситуации. Все остальное тесно связано с условиями и обстоятельствами ситуации, материал которой был использован при построении теории. Поэтому прямой перенос понятий, категорий и, тем более, выводов и умозаключений, полученных в одной ситуации, на другую ситуацию – недопустим. Но выделение общезначимых компонентов любой теории от ситуативных и частных вовсе не простое дело и требует хорошей ориентировки в ситуации. Знание и понимание социокультурной ситуации не является врожденным и априорным, а получается в результате исследования и анализа. Это предполагает наличие специальных теоретических и методологических представлений. Можно сказать, что попытка

---

[2] Мацкевич В. Вопреки очевидности. – Невский простор. 2006.

заимствования готовых теорий, понятий и представлений, разработанных для одних социокультурных ситуаций в другие ситуации не только не экономит труд и усилия исследователя, но требует гораздо больших затрат и усилий.

В одном из первых текстов исследовательской программы АГТ «Беларусь вопреки очевидности» специально разбирался методологический вопрос о том, как возможны исследования и аналитика индивидуализированных и уникальных объектов. Мы не будем возвращаться к обсуждению этого вопроса здесь, но, сославшись на это, зафиксируем принцип гуманитарных исследований, который состоит в следующем: **не существует в гуманитарном знании таких понятий и категорий, применение которых правомочно в любом исследовании**. Любая ситуация, которую мы собираемся исследовать, должна быть каким-то образом категоризирована и оформлена в понятиях. Для нашей работы это означает, что нам следует категоризировать нашу ситуацию, прояснить сходства и различия ее по сравнению с теми ситуациями, где были разработаны понятия, на которые мы опираемся, или от которых отталкиваемся.

Чтобы это сделать, следует разобрать еще ряд принципов гуманитарного теоретизирования. В первую очередь, это ***принцип историчности***. С одной стороны, историчность гуманитарного знания означает, что оно истинно только для определенного времени, конкретной эпохи и утрачивает свое значение в другую эпоху. С другой стороны, в отличие от естественно-научного знания, социально-гуманитарное характеризуется со-временностью, или одновременностью существования многообразных знаний, которое позволяет людям с этими проблемами справляться. Естественно-научное знание сохранет свою истинность независимо от его практической актуальности. Если нет нужды каждый день измерять электрическое сопротивление, то это никак не влияет на закон Ома. Если нам очередной раз необходимо его использовать, то мы будем использовать в том же виде, в котором был сформулирован и применяется. Совсем иное дело человеческое сопротивление переменам и нововведениям. Осмыслив и измерив степень

сопротивления людей переменам в одной ситуации, мы не можем использовать это знание в другой ситуации непосредственно. Мы можем помнить об этом как о прецеденте, апеллировать к нему по аналогии, но не более того. В каждой новой исторической ситуации нам придется заново анализировать причины и природу человеческого поведения и действий.

Большие гуманитарные или социальные концепции, подходы и теории самым тесным образом связаны с породившей их исторической ситуацией. Логические законы потребления, которыми оперируют марксизм и другие концепции политэкономии, мало что объясняют в поведении людей современного западного общества потребления, а концепции общества потребления 60-ых, 70-ых годов не помогают понять потребительского поведения советских людей. И тогда нам приходится констатировать, что категория «потребления» применительно к обществу потребления на Западе в 70-80-ые годы и к экономике дефицита того же времени в СССР должна наполняться разным смыслом и содержанием. Отличаются в этих различных социокультурных или исторических ситуациях не только способы удовлетворения потребностей, но и сами потребности. Поэтому и невозможно весь комплекс гуманитарного знания, сформировавшийся на Западе в эпоху общества потребления, переносить в Советский Союз того же времени и на переходные общества, возникшие после распада Союза. Его нельзя распространить даже на современное информационное глобализирующееся общество на самом Западе. Это характерно для любого большого комплекса гуманитарного знания, привязанного к культурно-исторической ситуации его порождения.

Специфика гуманитарного знания, таким образом, состоит в том, что каждое общество, претендующее на автономное, суверенное развитие в каждую культурно-историческую эпоху должно создавать для себя соответствующий комплекс гуманитарного и общественного знаний. Если беларусские инженеры могут легко пользоваться наработками американских физиков или японских химиков, то никто не может избавить беларусских гуманитариев и

обществоведов от необходимости создавать собственные беларуские теории и концепции беларусского общества. Собственно для этого каждая страна должна быть обеспечена соответствующими институтами, разрабатывающими концепции и исследующими общество во всех его аспектах. А каждое исследование или разработка должны иметь технические или принципиальные задания, в которых оговаривается не только то, ***какое знание и о чем необходимо получить***, но и для чего, ***с какими целями и в каких условиях это знание будет применяться и использоваться***.

Необходимость обозначения целей и условий понятийной работы актуализирует роль и значение **прагматики** при формировании гуманитарных понятий и категорий. Иногда существует соблазн описывать социальную и индивидуальную жизнь людей в квазинатуралистических объективистских понятиях, категориях и показателях. Возьмем для примера сугубо естественно-научные показатели (то, что применяется при исследовании природы) – средние температурные показатели воздуха. Мы легко можем сравнить по этим показателям условия жизни в различных городах и регионах. Мы даже можем на основании таких сравнений делать некоторые выводы о комфортности или некомфортности среды обитания, что, так или иначе, входит в состав понятия качества жизни. Но как только мы переходим от описаний и сравнений к принятию решений, то оказывается, что эти сравнения и описания совершенно бесполезны без дополнительных знаний о том, для кого принимается решение. Скажем, различные физиологические показатели организма человека могут одну и ту же среду обитания признавать либо комфортной, либо совершенно не пригодной для жизни. Поэтому ***мы должны иметь одни категории и понятия для описания сред, условий, ситуаций и другие категории и понятия для приятия решений.***

Кроме того, мы должны иметь ***различные понятия и категории как для принятия общественных, политических, социальных решений, так и для индивидуальных решений***. В таком случае формулировка и определение гуманитарных понятий и

категорий во многом определяется тем, какие решения и кем будут приниматься с использованием этих понятий и категорий.

Разберемся с тем, какие ***решения и кем должны приниматься на основе категорий, которые мы разрабатываем***. Это не такой простой вопрос, как иногда хотелось бы думать. Либеральные, демократические подходы основываются на приоритете личных индивидуальных решений относительно организации собственной жизни над общими или внешними. Тогда как социалистические и этатистские отдают предпочтение общим, общинным, государственным решениям. Поскольку никем и нигде не отрицается социальная сущность и природа человека, то никем всерьез не оспаривается, что жизнь каждого человека отчасти определяется решениями, которые он принимает самостоятельно, отчасти же тем, что за него решают семья, общественные институты, государство и т.д. И можно вести речь о балансе общих и индивидуальных решений, с одной стороны, и о согласованности или рассогласованности понятии и категорий, которые используются при принятии тех или иных решений — с другой. Пожалуй, один из самых распространенных типов социального конфликта состоит в рассогласовании представлений о благе, которыми руководствуется индивид, и теми представлениями, которые навязываются ему извне другими людьми или общественными институтами.

Беларусское государство определяет само себя как социальное. Предположим, что государство руководствуется самыми благими намерениями, но авторитарный тип государства, высокая степень огосударствления экономики нарушают баланс между индивидуальными решениями людей и государственными. Но при этом никогда в гуманитарных и общественных науках Беларуси не ставился и не поднимался вопрос о том, насколько согласованы между собой понятия категории и представления государственной идеологии и людей, населяющих Беларусь. Хотя можно встретить множество спекулятивных рассуждений относительно беларусского менталитета и государства, природа которого якобы основывается на этом менталитете. Но такие апелляции не имеют отношение к проце-

дуре согласования, они лишь выполняют функцию обоснования государственных решений.

Разрабатывая понятийно-категориальный аппарат и теоретические представления в рамках культурной политики, мы исходим из того, что предлагаемые нами понятия и категории могут быть использованы в общественных и государственных программах реформирования и обустройства, при том, что они должны предполагать процедуру согласования множества представлений, имеющихся у граждан Беларуси. Это означает, что разрабатываемые категории должны быть таковы, чтобы они позволяли ***вести диалог между различными субъектами*** (от индивида до государства) и ***согласовывать решения*** в области организации и регулирования социальной жизни.

Разобравшись с этими требованиями для работы с понятиями и категориями из сферы образа жизни, мы можем зафиксировать контекстуальные, исторические и прагматические **отличия нашей ситуации**, с одной стороны, от ситуации в СССР, а с другой стороны, от ситуации в современных западных обществах.

По отношению к категориальному аппарату ***советского, а позднее и беларусского обществоведения*** следует отметить:

— Во-первых, несоответствие тех социальных процессов, которые рассматриваются как стержневые в одной и другой социокультурной ситуации. Это индустриализация и урбанизация — в советской ситуации и информатизация и глобализация — в современной ситуации.

— Во-вторых, расхождение или даже оппозицию в представлениях о субъектах, способах и методах реализации социальных и политических реформ, а также о субъектах, способах и методах контроля и управления различными сторонами жизни, ее организации. Для нас это диалог и согласование, для советского обществоведения — реализация закономерностей с помощью власти и силы.

В отношении к ***современному западному знанию*** и категориальному аппарату регулирования и управления в сфере образа

жизни существуют различия иного рода. Эти различия связаны с ***пригодностью понятий для ситуации развития, разворачивания, того, что уже имеется, и непригодностью их для ситуации реформирования, создания новой организации социальной жизни.*** В Беларуси и в Европе одни и те же процессы протекают в разных стадиях или фазах. И то, что справедливо на стадии завершения, может быть совсем не справедливым на начальной стадии. Требуемые для нас категории и понятия должны решать вопросы переустройства сферы образа жизни, а не поддержания и повышения качества жизни.

Перформативность «образа жизни» как гуманитарного понятия

Проблему перформативности[3] гуманитарного знания в общих чертах можно обозначить следующим образом: «существовали ли социальные и гуманитарные явления до того, как были кем-то названы, концептуализированы, осознаны и стали предметом исследования». Можно задаться наивным вопросом: существовал ли образ жизни до того, как эту категорию ввели в обиход гуманитарных наук и обыденный язык. При всей наивности такого вопроса интересно проанализировать возможные ответы на него. Ведь, например, возможен такой ответ: если раньше люди жили, и жизнь разных людей была непохожа друг на друга, резонно предположить, что эти различия в жизни можно называть разными образами жизни, а значит, образ жизни существовал и раньше. Такое рассуждение не менее наивно, чем сам вопрос. Безусловно, люди жили по-разному, но мыслили об этом и объясняли разницу

---

[3] Следуя за Дж. Остином, мы называем перформативностью свойство высказывания быть одновременно действием (от объединения англ. слов perfom [представлять, осуществлять, исполнять] и action [действие]). Остин Дж. Как производить действия при помощи слов. — Москва: Идея-Пресс, 1999. — 329 с.

в других категориях (не в категориях образа жизни), а значит, и относились к этому иначе.

Представим себе город зарождающегося капитализма с протестантской этикой, интересовавший М. Вебера, например, Женеву, Страсбург или Бостон в Новой Англии. Можно ли было размышлять в этих городах о различных образах жизни. Весьма сомнительно. Протестантская этика, так занимавшая воображение М. Вебера, предписывала достаточно строгую норму организации жизни, регламентируя любые вынужденные и случайные отклонения от нее, признавая некоторые допустимыми, другие — не допустимыми ни при каких условиях. При наличии такой строгой регламентации и подробного описания норм жизни нет необходимости в такой категории, как образ жизни. Категория «образ жизни» здесь могла бы использоваться только как инструмент типологического метода для схватывания различий в жизни разных людей. **Сам по себе «образ жизни» не имеет собственного содержания.** Зафиксировать и описать имеющиеся различия можно, только добавив к «образу жизни» некое содержательное понятие. Например, «городской образ жизни» или «сельский образ жизни». Но в таком употреблении этих категорий мы фактически не получаем никакого приращения содержания и знания. Для этого достаточно самих категорий «город» и «деревня». Если они достаточно глубоко разработаны, то они включают в себя и нормы организации жизни и поведения в городе и на селе. А при традиционном общественном устройстве они были разработаны и нормированы предельно подробно.

Что дает нам в таком случае употребление категории «образ жизни»? Понять это можно тогда, когда мы используем эту категорию не для описания уже известных и описанных или понятных различий в жизни людей, а для поиска и схватывания еще неизвестных и неописанных. Но сама попытка описать и зафиксировать новые отличия — это уже ***не просто исследовательская процедура, но действие по изменению социальной структуры общества и норм регулирования его жизни.***

Употребление категории «образ жизни» в условиях раннего капиталистического города эпохи реформации было бы равносильно призыву к революционному преобразованию существующего порядка либо привело бы к обструкции и изгнанию каждого, кто отстаивал бы свое право на свой образ жизни, отличный от нормированного. Безусловно, и в тех условиях люди в городе, даже в пределах одной протестантской общины, могли жить по-разному и жили по-разному. Но эти отличия воспринимались как вариации одной нормы, одной идеи или онтологии жизни. Кто-то жил богаче, кто-то — беднее, у кого-то были дети и большая семья, кто-то оставался холостым. Но регламентация времени, поведения, потребления, развлечения и даже интимной жизни не предполагали большого разнообразия. Для традиционалистских обществ даже и не допускалось, что может быть как-то иначе, чем заведено.

Из этого рассуждения становится понятным различие в использовании категории образа жизни и ее роли в регламентации общественных отношений.

Образ жизни как инструментальная категория типологического метода позволяет описывать и нормировать повседневную жизнь в рамках уже существующей и не подлежащей изменению структуры общества. Такое использование характерно для традиционных закрытых обществ. И в рассуждениях об образе жизни в этом контексте он всегда предстает с конкретизацией — городской, сельский, буржуазный, аристократический и т.д.

В свою очередь ***образ жизни как правовая категория может быть использована в практических и политических целях изменения социальной структуры и социальных отношений.*** Т.е. категория «образа жизни» может привлекаться для обоснования права жить не так, как другие, с ее помощью можно добиваться свободы от регламентации и предписаний. Перформативный характер категории «образ жизни» проявляется в том, что считавшееся ранее отклонением от нормальной жизни или вариацией нормы начинает признаваться как другая, столь же законная норма. И это характерно для современных открытых обществ. Различное содер-

жательное наполнение и использование данной категории задает соответствующую социальную, политическую и управленческую практику.

Качество жизни: свобода выбора или детерминированность

Поскольку наша работа ориентирована на изменение политики управления и социальных программ в стране, необходимо, в первую очередь, сформулировать представления о том, чего мы хотим достичь в сфере образа жизни. Поэтому начнем с категории **«качество жизни»**, так как она имеет модальный, оценочный характер («хорошо — плохо», «качественно — некачественно»). Содержание этой категории задает критерии для оценки жизни и способы работы с социальной реальностью.

Разберемся с тем, как эта категория используется в различных исследовательских традициях.

В ***современной западной науке*** это понятие достаточно хорошо проработано и доведено до измеримых показателей и индикаторов, которые широко используются в политической и социально-управленческой практике. ***Качеством жизни*** называют совокупность материальных, социально-демографических, политических и т. п. условий жизни и уровень их развитости. Особое значение при использовании этой категории имеет оценка уровня демократизации, состояния здоровья населения и состояния окружающей среды, возможности образования, степень социальной защищенности и т.д. То есть оцениваются «существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека[4]».

В результате, это понятие фиксирует максимально широкий спектр человеческих потребностей и требование к созданию усло-

---

[4] Крупнов Ю. Качество жизни // http://www.kroupnov.ru/5/178_1.shtml.

вий для их реализации вне зависимости от каких бы то ни было социальных, экономических, этнических и прочих характеристик человека. Непосредственно оно не связано с понятиями и категориями, фиксирующими качественную, содержательную сторону организации жизни (образы или стили жизни). Оно призвано скорее фиксировать наличие или отсутствие условий для реализации разных способов, типов, образов и стилей жизни. Предполагается, что выбор образа жизни происходит свободно, в рамках имеющихся условий. Поэтому задачи социальной и политической практики состоят в том, чтобы улучшать эти условия и таким путем улучшать качество жизни.

Для ***советского обществоведения*** характерен совершенно иной подход к определению качественности жизни. Собственно категории «качество жизни» в советской науке не существовало. И это связано с базовыми представлениями об организации жизни. Как и в любой закрытой общественной системе, все характеристики и стороны жизни (оценка, образ, уровень и т.д.) рассматривались как детерминированные разделением на классы, слои или группы. Причем сами классы и слои определялись на основе предписанных, объективных характеристик, таких как происхождение, место рождения и т.д. Вопрос об оценке или сравнении характеристик жизни мог ставиться только в отношении динамики тех или иных, в первую очередь, количественных характеристик в рамках каждого класса или слоя отдельно, но не между ними.

Однако в качестве альтернативы западному «качеству жизни» в советском обществоведении стало разрабатываться другое понятие — «образ жизни». В нем были сведены одновременно и

---

[5] «***Образ жизни — понятие отечественной социологии, характеризующее конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов***» Абушенко В. Образ жизни // Социология: энциклопедия — Мн.: Книжный Дом, 2003.

модальная, и описательная стороны[5]. В этой категории фиксировались качественные, содержательные отличия организации жизни в разных слоях. Через образ жизни давалась некое описание того, как устроена повседневная жизнь того или иного социального слоя. С другой стороны, образ жизни имел нормативный и идеологический статус, как описание **образцового** способа организации повседневной жизни людей. «Качественность» жизни раскрывалась непосредственно в содержательных характеристиках образа жизни, через сравнение того, что есть, с тем, какой должна быть жизнь советских рабочих, колхозников и т.д. Наиболее показательным в этом отношении (и наиболее идеологически нагруженным) был «социалистический образ жизни», концентрировавший в себе все преимущества советского общества перед буржуазным. Именно в таком виде (как описание должного, правильного) он использовался в принятии управленческих решений ограничивая представления тех, кто принимает решения, о должных или о допустимых способах устройства повседневной жизни граждан.

Таким образом, вопрос о качестве жизни рассматривался только в рамках уже имеющихся социальных категорий (сельские / городские жители, рабочие / колхозники / интеллигенция), которые привязаны к жесткой социальной структуре. И суть вопроса сводилась к тому, насколько соответствует имеющийся образ жизни идеальным и идеологическим представлениям о потребностях данной группы людей. Росли потребности (благодаря заботе советского государства) – изменялся образ жизни.

В таком употреблении «образ жизни» всегда вторичен, хотя с его помощью что-то описывают и нормируют, но он сам задается объективной социальной структурой. Поэтому не может быть образов жизни больше, чем социальных групп или слоев. Появление нового, не вписывающегося в имеющиеся представления о социальной структуре образа жизни может быть расценено как маргинальное явление, подлежащее «исправлению». Новый образ жизни не может изменить социальную структуру и социальные

отношения, не может стать основанием для рассмотрения нового слоя, класса или группы. Исходя из таких понятий образа и качества жизни, проникающие сейчас в Беларусь новые образы жизни считаются маргинальными. Их существование и их носители не учитываются в принятии управленческих решений по организации «качественной жизни».

И хотя за последние десятилетия в категориальный аппарат беларусской науки и управленческой практики было перенесено западное понятие «качество жизни», само по себе оно не смогло изменить способа мышления и деятельности в этой сфере. Поскольку перенесены были уже стандартизованные показатели и индикаторы измерения условий жизни. Их можно формально прикладывать к любому обществу. Для изменений в этой сфере необходимо сформулировать такое понятие, которое отражало бы и фиксировало трансформацию оснований в понимании «качественной» и «некачественной» жизни.

Это приводит нас к определению **«качества жизни» как характеристики, которая задает свободу выбора и возможность реализации любого избранного образа жизни**.

Это предполагает, во-первых, **наличие экспозиции**, **веера возможных образов жизни**, а во-вторых, **обеспечение возможности их реализации**. Но можем ли мы выбирать и реализовывать избранный образ жизни индивидуально или этот выбор является результатом социальных взаимодействий? Очевидно, что мы влияем на образ жизни друг друга, и на выбор, и на реализацию. А раз мы влияем, то должны договариваться. Поэтому в категорию качества жизни должны быть включены **условия для диалога и согласования разных образов жизни**.

Такое понимание качества жизни близко современным западным представлениям. Но есть и существенные различия. Чтобы решить стоящую перед нами задачу и коренным образом изменить практику работы с образами жизни, мы ставим акцент на ***деятельности, на искусственном отношении*** к этой сфере. Это касается и ***создания*** экспозиции образов жизни, ***обеспече-***

ния возможностей реализации и ***формирования*** механизмов согласования. Для западных обществ эта категория применяется уже для оценки удовлетворительности и развитости условий, для реализации любых образов жизни. Соответственно, она акцентирована на ***динамике роста или снижения показателей***. Для нас же сейчас важнее фиксация качественной смены принципов и способов работы в этой сфере.

Предлагаемая категория качества жизни задает иные, по сравнению с советским вариантом, соотношения между категориями уровня и образа жизни. В закрытом советском обществе и образ, и уровень жизни — это две характеристики жизни тех или иных классов, групп или слоев. Изменение уровня жизни конкретных групп или слоев соответствовало изменению их потребительской корзины. Это, в свою очередь, приводило к росту потребностей и появлению новых способов удовлетворения этих потребностей. В результате роста уровня жизни менялся и образ жизни. Причем рост уровня жизни не приводил к смене одного образа жизни на другой – городского на сельский, образа жизни рабочего на образ жизни интеллигента. Рост уровня жизни приводил к замене старого городского образа жизни на новый городской образ жизни. Итак, характеристики образа жизни изменяются вслед за изменением уровня жизни.

Вводимая нами категория качества жизни задает обратное соотношение. Если нам важна возможность выбора из широкого спектра образов (образцов) жизни, которые не связаны с принадлежностью к социальным слоям или группам, тогда уровень жизни становится **задачей** или **условием**, которое необходимо выполнить, чтобы воспользоваться этой свободой и реализовывать тот или иной образ жизни. Уровень жизни становится «зависимым» от того, какой образ жизни выбран. Для одних образов жизни набор материальных, социальных и иных благ может быть очень высок, для других – крайне низок, но всякий раз этот набор задается не принадлежностью к социальному слою, группе, классу, а выбранным образом жизни.

Оперирование понятием «образ жизни»

Сформулированная нами выше категория «качества жизни» требует изменения и переосмысления категории «образ жизни». Обратимся к противоречию между **изменчивостью образа жизни**, с одной стороны, и **мультипликацией образов жизни** —с другой. Можно задать наивный вопрос: «Может ли изменяться образ жизни?» Первая реакция на такой вопрос — удивление: «А как же? Все в этом мире меняется». Конечно, все в этом мире меняется, но зачем меняться образу жизни, если образы жизни скорее множатся? Если кому-то не хочется жить так, как другие, он может начинать жить так, как сам того хочет. Современное общественное мнение, освоившее категорию «образ жизни», не только позволяет это, но даже настаивает на том, чтобы каждый жил так, как сам считает нужным и правильным. И мы это обсуждали, когда говорили о перформативности категории «образ жизни».

Если мы допускаем изменчивость образа жизни, то тем самым признаем его объективное содержание и автономное существование. Значит, есть чему меняться, значит, есть то, что меняется. Тогда «образ жизни» уже не может оставаться только инструментальной категорией типологического метода познания и инструментальной политической категорией, применяющейся для достижения свободы и легитимизации разнообразия. Образ жизни может быть обнаружен в реальности и даже описан и измерен в своей неизменности (статике), с одной стороны, и в своей изменчивости (динамике) — с другой стороны. Такая объективация образа жизни раскрывает совершенно другие перспективы его исследования. А на практике объективно существующие явления подлежат контролю, регулированию, управлению, законодательному оформлению.

Особенно красноречиво это проявляется в сфере интимных отношений и секса. Знаменитая фраза «В СССР секса нет!» не так бессмысленна и глупа, как может показаться на первый взгляд. Секс в СССР был действительно интимной сферой, о нем не говорили, на

уровне общественного регулирования жизни секс привлекал внимание только в радикальных проявлениях на грани или за гранью уголовного кодекса. О сексе не говорили, но сохранялись нерефлектируемые нормы о допустимых формах сексуальных отношений (брак), о месте и времени, о допустимых способах и позах и т.д. И только в обществе плюрализма образов жизни потребовалась регламентация сексуальных отношений, и этот процесс сейчас находится в самой активной стадии (по крайней мере, в части гомосексуальных отношений). Такая регламентация стала возможной, когда эта сфера была признана как автономная, объективно существующая. При таком отношении она подлежит исследованию и фиксации, в том числе законодательной.

Эти рассуждения об изменчивости или мультипликации образов жизни позволяют зафиксировать два момента, заключенных в самой этимологии слова «образ».

Во-первых, ***образ жизни – это определенный способ жизни человека или группы людей***, типичность, регулярность, качественная специфика, скрывающаяся за многообразием различных проявлений и организующая их. Это то, что подлежит изменению, объективации и исследованию динамики.

Во-вторых, ***образ жизни – это отображение, картина, слепок, зафиксированная норма и эталон.*** В этом качестве он не подлежит изменению, каждое изменение – это новый образ жизни, который, будучи зафиксирован в образце, может стать предметом трансляции и реализации.

Эти два разных аспекта «образа жизни» требуют совершенно различных стратегий исследования. Для объективации и регулирования и нужны количественные показатели (распространенность и встречаемость того или иного образа жизни, характеристики потребления, доступность социальных благ и т.д.). В том числе изменчивость или консервативность, социальная мобильность и т.п. Для создания и предъявления широкого спектра образов жизни необходима герменевтическая работа с образцами, их фиксацией и предъявлением.

На данном этапе развития гуманитарного знания мы располагаем необходимым инструментарием для исследования образа жизни и всей сферы человеческих отношений, с этим связанной. Но мы точно не знаем, какой круг явлений подлежит первоочередному исследованию и анализу. Чтобы разобраться с этим, следует выяснить, как и зачем это делать? Но сначала нужно разобраться с тем, что в этой сфере является **естественным**, а что **искусственным**? Где возможно образажизненное прогрессорство и дендизм, а где необходима экология образа жизни.

В сфере образа жизни все, так или иначе, является продуктами человеческой деятельности и мышления или, в крайнем случае, косвенными порождениями этой деятельности. ***Однако дело заключается не в том, каковы вещи, объекты и явления сами по себе, а в том, каким образом к этим вещам и явлениям относятся люди, как о них мыслят.*** И это отношение проявляется в категориях, используемых для описания и понимания вещей. Поэтому при разработке и формулировке понятий и категорий необходимо учитывать это обстоятельство – искусственное или естественное отношение.

Дело в том, что распространенной ошибкой при рассмотрении социальных явлений и процессов, в том числе и в сфере, связанной с образом жизни, является отношение к ним, как к естественным или квазиприродным. Так, как будто они существуют сами по себе (объективно) и никак не связаны с тем, что люди обо всем этом думают и знают. Существование естественных, природных объектов и явлений не зависит от знания о них, чего нельзя сказать об искусственных процессах и явлениях. Искусственное отношение предполагает, что мы рассматриваем социальные явления как результат и как предмет целенаправленной человеческой деятельности. Если мы хотим изменений в сфере образа и качества жизни, то нам необходимо ***оискусствление*** явлений и процессов в этой сфере.

Если же мы по тем или иным причинам не знаем, не умеем, не можем или не хотим обращаться с процессами и явлениями как с искусственными, они, по сути дела, становятся квазиестественными

и начинают существовать сами по себе (по крайней мере, для тех, кто так их воспринимает). Происходит ***оестествление*** социальных процессов и явлений.

Некоторые социальные процессы могли быть порождены творчеством и активностью людей и контролироваться людьми. Но сохранение контроля требует определенной квалификации и подготовки. Тогда искусственность или естественность этих явлений становится в зависимость от сохранения подготовки и квалификации людей. Если по тем или иным причинам должный уровень квалификации не удается поддерживать, то запущенные процессы перестают контролироваться людьми и оестествляются. Это явление можно описывать заимствованным в марксизме термином ***отчуждение***. Оестествление социальных процессов и явлений происходит тогда, когда начинается ***отчуждение деятеля от деятельности по контролю и управлению этими процессами***.

Применительно к процессам и явлениям из сферы образа жизни тоже можно говорить об отчуждении человека от контроля и управления в этой сфере. Если образ жизни обставляется и обуславливается очень большим количеством предпосылок, условий и обстоятельств, не соизмеримых с возможностями человека управлять ими, то управление и контроль становятся невозможными. Следует признать, что для большинства людей в большинстве культур управление и контроль в сфере образа жизни недоступны, но мы сейчас обсуждаем ***принципиальную возможность искусственного или естественного отношения к процессам и явлениям в сфере образа жизни***. Только наличие такой принципиальной возможности делает нашу работу осмысленной.

Можно предположить, что одной из главных доминирующих тенденций общественно-исторического развития является достижение для человека все большего контроля над образом жизни и освоение методов и способов управления в этой сфере. Из этого предположения выводится и дополнительный критерий разделения обществ на традиционные (закрытые) и современные (открытые). Традиционные общества характеризуются таким гуманитарным

знанием и таким языком описания процессов и явлений в сфере образа жизни, при которых управление процессами и явлениями в этой сфере принципиально невозможно. А распространение гуманитарного знания и оснащение профессиональных языков понятиями и категориями, допускающими искусственное отношение к процессам и явлениям в сфере образа жизни, характеризуют открытое общество. Важно наличие самой принципиальной возможности контроля и управления в этой сфере. Такая возможность позволяет преодолевать отчуждение человека от деятельности по отношению ко всему человечеству. Понятно, что и в открытом обществе далеко не для каждого и не всегда доступны управление и контроль в сфере образа жизни, несмотря на открывающуюся возможность.

Наш подход и введенные выше представления о качестве жизни предполагают, что понятием «образ жизни» должны описываться и схватываться явления и процессы, и как естественные, и как искусственные, с возможностью последующего оискусствления или оестествления. Достичь этого можно через дальнейшее разведение и прояснение двух аспектов понятия «образ жизни», которых мы уже касались выше.

Первый – это образ жизни как определенный набор норм, согласно которым организуется жизнь человека или группы людей, это то, чем и как живет человек. Он, как правило, попадает, погружается в ситуацию реализации одной из норм и рассматривает ее как данность, как естественную среду. Со временем эта среда может изменяться, в результате меняется и образ жизни людей. Вне специальных особых ситуаций это нерефлектируется как целенаправленный и организованный процесс. В этом отношении образ или образы жизни подлежат исследованию, описанию, фиксации. Через представления о многообразии и содержательных отличиях образов жизни мы можем уловить и понять актуальную жизнь в стране, распространенность и содержательное наполнение тех или иных норм и способов жизни.

Искусственная сторона понятия образ жизни связана с другим аспектом, с отношением к «образу жизни» как знаку, образцу, ко-

торый является элементом диалога и согласования между различными социальными субъектами. Здесь важно не содержательное описание и объективные характеристики распространенности того или иного образа жизни, а фиксация его как нормы, образца, который должен быть включен в диалог. В этом качестве образ жизни является элементом в принятии управленческих и политических решений, которые направлены на обеспечение условий для существования и сосуществования многообразия образов жизни в одном пространстве, а также возможностей реализации этого разнообразия.

——

Подводя итог нашим рассуждениям над понятиями образа и качества жизни, следует зафиксировать следующее. Для того чтобы обеспечить качество жизни как возможность свободного выбора любого образа жизни, необходимо признать, что:

— все имеющиеся в беларусском обществе способы организации жизни представляют собой культурную и социальную ценность;

— все они имеют право на существование и включение в выстраивание общественных отношений.

Однако простого признания будет недостаточно, поскольку обеспечение качества жизни требует решения ряда задач.

1. <u>Инвентаризация, описание и фиксация всех имеющихся образов жизни</u>. Причем эта инвентаризация и составление экспозиции образов жизни в Беларуси не являются разовым действием, которое оканчивается составлением закрытого списка. Это должна быть постоянная исследовательская работа и мониторинг образов жизни в рамках отрытого списка. Здесь образы жизни предстают феноменально – описательно и через указание на примеры, эталоны и образцы. ***Мы должны исследовать, описывать и закреплять, фиксировать в виде образцов все многообразие образов жизни, существующих и возможных в Беларуси.***

2. <u>Исследование условий и возможностей трансляции и реализации каждого из выделенных и описанных образов жизни</u>. Трансляция норм и способов организации жизни, механизмы и условия их реализации составляют характеристики бытия (существования) данного образа жизни в социальной реальности. Поэтому, кроме феноменального описания самого образа жизни как определенной нормы, образца и эталона, нам необходимо исследовать и фиксировать следующие моменты:

— Субъектов реализации различных образов жизни (носителей).

— Формы организации и институциализации, в которых осуществляется трансляция различных образов жизни (школы, ученичество, презентации и т.д.) и их реализации (формы организации, специальные условия и т.д.).

— Субъектов, целенаправленно занимающихся трансляцией тех или иных образов жизни. Тех, для кого предметом заботы и ответственности является воспроизводство этих образов жизни. Такими субъектами не могут быть индивиды-одиночки, задача организации трансляции образа жизни соразмерна только группам, сообществам.

— Инфраструктуру трансляции и реализации. Наличие материальных, человеческих, технических и др. условий, которые необходимы для реализации определенного образа жизни.

3. <u>Обеспечение возможности реализации разных образов жизни</u>. Для того чтобы создать такие условия, образы жизни должны быть описаны уже не в содержательных характеристиках, а через общие ***формальные параметры***:

— ***Пространства***, требуемого для реализации того или иного образа жизни: географического и социального.

— ***Времени***: соотношения в том или ином образе жизни свободного и необходимого времени.

— ***Интенсивности***: характеристик темпа, мобильности и ритма того или иного образа жизни.

— ***Модальности***: оценки образов жизни как достойных или недостойных, современных или нет, хороших или плохих.

Политические и управленческие решения, ориентированные на обеспечение качества жизни, должны исходить не из конкретного описания должного, достойного образа жизни, а из задачи обеспечения инфраструктуры для реализации всех имеющихся и возможных образов жизни. Параметры этой инфраструктуры могут задаваться из характеристик необходимого пространства, времени, мобильности и т.д. Разница между имеющимися и необходимыми характеристиками и есть основание для прияния решений. Это означает, что должны приниматься такие решения, чтобы обеспечить возможность реализации в определенном пространстве образов жизни с максимально разнообразными характеристиками. Например, в городе должна быть возможность вести жизнь в разном темпе и с разной интенсивностью, должна быть возможность высокой географической и социальной мобильности, и возможность вести оседлый образ жизни, и возможность самому определять, что хорошо и что плохо.

4. Обеспечение представленности широкого веера, экспозиции образов жизни для выбора. Говоря об экспозиции, мы не имеем в виду выставку или музей в любой их форме. Организация экспозиции образов жизни возможна только через пересечение или соприкосновение в одном пространстве людей с разными образами жизни. Организация таких соприкосновений и является элементом обеспечения качества жизни и основанием для принятия решений. Для «встречи» разных образов жизни в одном географическом пространстве требуются, например, отмена прописки, изменение визового режима, развитие инфраструктур и т.д. Для встречи образов жизни с разными социально-культурными характеристиками – свобода выбора школ для детей, организация не клубных и закрытых культурных мероприятий, а открытых и свободных концертов, где культуры могут встречаться друг с другом, где люди могут наблюдать экспозицию и делать выбор.

Соответственно, образы жизни в практике политических и управленческих решений должны задаваться не описательно, а фор-

мально и системно, через характеристики пространства, времени, интенсивности и т.д. И эти характеристики имеют количественное выражение.

Осознавая масштабность и системность этих задач, мы понимаем, что первым шагом в их осуществлении является организация исследования сферы образа жизни в современной Беларуси с использованием предложенного категориального аппарата. В ходе такого исследования мы будем иметь возможность не только получить картину актуального состояния качества и образа жизни в Беларуси, но и развить, наполнить содержанием разрабатываемые нами категории.

Программа исследования образа жизни в рамках современной социальной истории Беларуси и культурной политики

Формулируя настоящую программу исследования, мы ставим себе задачу – проверить те полагания и рассуждения, которые были сделаны нами в ходе описания социальной истории Беларуси и разработки понятий качества и образа жизни. Полученные результаты должны быть наложены на теоретические и концептуальные наработки, представленные в данной книге, с тем, чтобы был получен качественный и адекватный инструмент для описания и понимания сферы образа жизни, а также для принятия управленческих решений и организации деятельности в этой сфере.

Проведенный анализ произошедших за последние 15 лет изменений в социальной сфере хотя и не позволяет дать полного описания сложившегося положения дел, но дает возможность увидеть про-

блемные места и сформулировать направления исследовательской активности, локализовать ее.

Вторичная индустриализация и урбанизация не ведут к восстановлению социальной структуры крупных городов и индустриальных центров, идентичной той, которая сложилась в них к концу 80-ых, но они по-прежнему остаются индустриальными городами, но с существенно усложнившейся социальной структурой. И совсем иначе обстоят дела с малыми городами, в которых либо не было индустриального производства и раньше, либо оно было разрушено в годы кризиса.

Малые города представляют собой как бы лабораторию, в которой можно наблюдать динамику и изменения образа жизни. Можно было бы ожидать, что процесс урбанизации затронет и малые города, и в них может начаться нормирование и окультуривание, подтягивание до города и распространение городского образа жизни. Малые города являются естественной моделью или прообразом негативных, деструктивных тенденций в крупных городах. С другой стороны, будучи близки к сельским территориям, такие города могли бы стать лидерами и законодателями мод в нормализации и модернизации сельского образа жизни. Также возможны и обратные тенденции, когда на малые города распространяются негативные тенденции, действующие на сельских территориях в условиях ускоренной и плохо управляемой индустриализации и урбанизации.

С одной стороны, индустриализация и урбанизация в Беларуси привели к тому, что малые города уступают по своему значению крупным индустриальным центрам и не оказывают сильного влияния на процессы в национальном масштабе. С другой стороны, кризисные явления и сопутствующие им проблемы и социальное напряжение проявляются в них гораздо ярче. Поэтому изменение и эрозия образа жизни в них представляет для исследователя больший интерес. И хотя социальные процессы, затрагивающие образ жизни в крупных городах, в большей степени видны и влияют на жизнь страны

в целом, но исследование их требует гораздо больших затрат и ресурсов, включая большие научно-исследовательские центры. А поскольку сфера науки, как академическая, так и университетская, сегодня не способна ставить такие задачи, и исследовательский потенциал сохраняется только в малых группах и ресурсно-необеспеченных фабриках мысли, то малые города представляют собой оптимальный объект для разворачивания исследований в рамках нашей темы.

Целью исследования является обнаружение и описание состояния дел в исследуемой сфере, которое может быть положено в основание инновационных программ улучшения качества жизни с параллельным обеспечением разрабатываемых новыми идеями концептами и категориями.

Объект исследования – образы жизни, представленные в малых городах современной Беларуси. Исходя из описанных выше представлений об образе жизни, этот объект включает в себя как ***содержательную сторону разнообразных образов жизни*** (феноменальное описание) и ***оценку степени распространенности***, так и ***условия и характеристики управленческой и политической практик*** по отношению к образам жизни, ***условия обеспечения их трансляции***, ***экспонирования*** и ***включения*** в коммуникацию и ***условия реализации***.

Предмет исследования – планы, замыслы субъектов различного масштаба относительно организации их жизни и жизни в стране (включая государственные программы, программы локального развития и личные планы) в комплексе с существующими условиями реализации этих планов, их ресурсным обеспечением.

<u>Основные гипотезы</u>

1. Разделение на сельский и городской образ жизни неадекватно современным условиям.

2. Организация городской и сельской среды в современной Беларуси не соответствует намечающейся диверсификации образов жизни.

3. Программы локального развития, реализуемые беларусским государством, не соответствуют запросам и потребностям людей в изменившихся условиях и не обеспечивают надлежащего качества жизни.

4. У разработчиков и реализаторов этих программ отсутствует теоретическое и концептуальное обеспечения для достижения указанных соответствий.

Организация экспедиций и порядок исследования

1. Приезжая в город, мы экспертным методом оцениваем уровень и стандарты жизни в нем, определяя соотношение городского и сельского типов образа жизни.

2. Намечаем места в городе, где мы можем рассчитывать встретить проявления различных образов жизни. Среди таких мест могут быть музеи, дома культуры, церкви и костелы, места отдыха, мастерские, клубы и т.д.

3. Обходя и посещая намеченные места, мы ищем людей, чей образ жизни, так или иначе, включает в себя функциональное использование (читатели, театралы, торговцы, верующие) этих мест или наиболее ярких представителей образов жизни, профессионально связанных с этими местами (работники культуры, библиотекари, пастыри и т.д.).

4. Мы исследуем городскую среду и инфраструктуру на наличие признаков, свидетельствующих о присутствии в поселении образов жизни, отличающихся от наиболее распространенных и традиционных, выделяющихся из общей массы.

5. Выясняем основные виды занятий местных жителей в соответствии с обнаруженными образами жизни, выясняем способы и виды употребления свободного времени.

6. Ищем и исследуем места, способы и интенсивность коммуникаций и пересечений различных образов жизни.

7. Мы собираем мнения и представления представителей различных образов жизни о развитии и изменениях их поселения и об их собственных планах на будущее.

8. Изучаем программы развития, которые реализуются в поселении.

9. Выясняем степень участия граждан в определении программ развития их поселения, вовлеченность в реализацию этих программ, а также степень влияния местных властей и местного сообщества на реализацию их собственных планов.

10. Выясняем наличие заинтересованности местных жителей в инновационных идеях и инициативах, которые становятся нам известными или которые мы сами можем им предложить, исходя из наших возможностей. Стараемся оценить и понять их реакцию на эти предложения.

Краткий очерк по первым результатам экспедиций

В настоящее время мы находимся в начале реализации намеченной исследовательской программы. В течение 2007-2008 годов мы побывали с экспедициями примерно в 15 малых городах. Практически во всех из этих городов мы обнаруживаем наметившуюся диверсификацию образов жизни, эклектику городского и сельского образа жизни, переплетение и перемешивание традиционных для советских городов и сельской местности образов жизни и новых, наметившихся или оформляющихся в настоящее время. Вместе с тем, везде обнаруживаются неустроенность городской организации и инфраструктуры практически для любого образа жизни. В этих городах уже невозможно жить привычной с советских времен жизнью, но и для новых образов жизни они не приспособлены. Почти повсеместно жители беларусских малых городов изолированы от участия в планировании местного развития, не осведомлены об имеющихся программах и планах и, к сожалению, не видят в этом проблемы и сами не очень интересуются этой стороной организации их жизни.

Наиболее распространенным способом реализации собственных жизненных планов для активных людей становится миграция либо в

более крупные города, либо за пределы страны. Очевидна насущная потребность в перспективном планировании и программировании местного развития. Ни в одном из посещенных нами городов мы не обнаружили местных субъектов, способных к такому планированию и программированию. Более того, в большинстве из этих городов не удается обнаружить даже тех, кто был бы готов к сотрудничеству с внешними субъектами. Лишь в нескольких из посещенных нами городов удалось встретить людей, микросообщества или организации, заинтересованные в изменениях в собственном городе и готовые сотрудничать с другими субъектами, сообществами и организациями для реализации этих изменений.

С некоторыми из этих городов нам удалось установить продолжающееся сотрудничество. И в рамках этого сотрудничества хотя бы частично преодолеваются косность и консерватизм обывательской городской среды, инертность местных властей и неуверенность субъектов локального развития в собственных силах и возможностях. И это дает повод для оптимизма. Потенциал местного развития мы вынуждены оценивать как очень незначительный. Поэтому противоречие между хоть и медленно, но меняющимся образом жизни и не адаптированной к этим изменениям городской средой и инфраструктурой в ближайшем будущем будет нарастать. А результатом этого противоречия становится альтернатива: либо неконтролируемая миграция и упадок малых городов, либо ускоренная плановая модернизация.

Краткие обзоры и отчеты по отдельным городам размещаются на сайте http://methodology.by. В ближайшее время по результатам экспедиций будет подготовлена отдельная книга.

В результате такого беглого очерка мы можем только констатировать настоятельную необходимость модернизации малых городов Беларуси. Тогда как разработка адекватных новым условиям программ местного развития требует более глубокого и детального описания и обсуждения уже полученных и планируемых результатов исследования.